

Антон ЯНКОВСКИЙ

ШХУНА ИЗ БУХТЫ БАРАХТЫ

Сказка-быль

(Журнальный вариант)

Посвящаю моей маме и моим детям

Глава 1. НОВОСТЬ ДНЯ И КУРИЦА ВЕЧЕРА

Из школы четвероклассница Наташа вернулась домой радостная и взволнованная.

— Что нового в школе, доча? — выглянул из кухни папа.

— По математике была контрольная, а за презентацию о дельфинах поставили пять.

А что у нас на ужин, пап?

— Пока переодеваешься, могу наскоро сварганить омлет с сыром и помидорами, а чуть позже будет курочка с пюре и зелёным горошком.

— Ура-а-а! Омлет с пимидорами! — закричала Наташа. — А ты знаешь, что у нас случилось?

— Конечно, знаю. Что?

И дочь, которой уже самой не терпелось всё рассказать, выкрикнула:

— Новость дня! — и закружилась по кухне.

— Тогда на ужин — курица вечера.

— Ла-ла-ла! — пела Наташа. — Я — звезда!

— Да не томи уже, выкладывай!

— Ну, в нашем классе, тьфу ты, в нашей школе есть стенгазета, а у нас в городе — Тридевятое Царство, ну, то есть Детский парк, ты знаешь, — взахлёб затараторила Наташа. — Так вот, парк, говорят, хотят закрыть, потому что к нам приезжают итальянцы, а мне поручили сделать интервью с его правителем Пантелеймоном Триодиннадцатым, точнее, провести расследование, чтобы эти слухи проверить. Представляешь?! И я должна назначить встречу и, если что, показать удостоверение с печатью, чтобы мне поверили и пропустили. Здорово ведь, да? Скажи, пап, а?

— Здорово! — вторя дочери, закричал папа и плеснул на сковородку растительного масла, в которое смахнул ножом с доски нашинкованную морковь и красный лук. — Только скажи мне, пожалуйста, итальянцы сейчас приедут к вам в школу или прямо к нам домой? А то, боюсь, одной курицы на всю честную компанию не хватит.

— Да не к нам и не в школу, а просто в город, — проглатывая окончания слов, снова затараторила Наташа. — И между прочим, они все — клоуны, фокусники и акробаты, потому что это — цирк с гастрольями. А мне сегодня на редакционной планёрке старшеклассники поручили написать главный материал под рубрикой «Тема номера». Так и сказали: возьми и напиши. Правда круто, а? Или ты опять совсем ничего не понял, па?

— Ну почему же? Единственное, во что мне не верится, так это в то, что каким-то заезжим итальянским клоунам удастся закрыть Детский парк. Даже если бы за это взялась хоть сама итальянская мафия Коза Ностра, у неё ничего бы не вышло. За всю историю города в летописях ни разу не упоминается, чтобы Тридевятое Царство закрывалось хоть на день. Но задание — клёвое, и круче всего, что выполнить его доверили именно тебе! Не сомневаюсь, что ты проведёшь блестящее расследование и выведешь всех на чистую воду! На плите ничего не трогай, газ под курицей убавил, приду — переверну.

— А ты куда?

— В детский сад за Мишкой. Можешь пока посмотреть мультики, но потом садись за уроки.

Глава 2. ЦИРК, ДА И НЕ ТОЛЬКО

Смутные слухи о приезде итальянских гастролёров кочевали по Устюжанску уже вторую неделю, но первыми о том, что в город действительно прибыл зарубежный цирк, узнали редкие пассажиры, которые в ожидании утренней электрички высыпали из здания железнодорожного вокзала на мощёный булыжником перрон. Ёжась и пританцовывая от предрассветной сентябрьской прохлады, они всю глазели на разрисованный и украшенный разноцветными афишами состав. На каждом вагоне блестящими буквами было выведено: «Сенсационное цирковое шоу сеньора Джованни Минестроне!!!»

— Я ещё раз настоятельно предупреждаю вас, голубчик Кальцоне: пока нам не нужны ни лишние глаза, ни лишние уши, — вкрадчивым голосом без всякого иностранного акцента говорил невысокого росточка, но щеголеватого вида франт, подкручивая ладонью в лакированной перчатке свои напомаженные усы. — Поэтому вручите каждому из этих бездельников-ротозеев по одному билету на моё феерическое, фантастическое, незабываемое шоу, но сделайте это под роспись на нашем фирменном бланке и с условием, что всем своим бедным родственникам и сопливым сынишкам-дочеришкам они обязательно купят входные билеты за полную стоимость. После этого гоните их отсюда во всю ивановскую. Вы поняли меня, голубчик Кальцоне?

— Ка-ра-шэ, — ответил Кальцоне и щёлкнул каблуками. — А что такое «фо фсю ифановскую», монсеньор? Это фамилия, улица или терефня?

— Точно не знаю, — равнодушно пожал плечами тот, к кому только что уважительно обратились «монсеньор». — Но, по-моему, площадь в Кремле.

— Фи оценя карашэ говорить по-русски! — восхитился Кальцоне. — Фи есть настоящий порусский грамотей! — и ринулся в толпу зевак раздавать билеты на предстоящее представление.

— Да, я ого-го какой грамотей! — благодушно согласился со своим помощником Джованни Минестроне. — Проколесите с моё по России и вы сами спокойно сойдёте за односельчанина хоть под Новгородом, хоть под Рязанью.

Как только отполированные до блеска чёрные кожаные ботинки владельца шоу коснулись асфальта, на платформе, словно крохотный смерч, поднялся и закружился ветер. Сию же секунду набрав силу, он промчался по перрону, увлекая за собой обёртки от мороженого, конфетные фантики и троллейбусные талончики. У нескольких зевак ветер даже вырвал из рук только что обрётённые билеты на шоу... Это был ветер перемен.

Глава 3. УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

О визите итальянских циркачей раньше всех простых смертных узнал городской голова Вениамин Градоначальников, прозванный в народе Венька Кто Знает, потому что по любому поводу он в первую очередь задавал именно этот риторический вопрос. К нему через посредников обратились боссы Минестроне, желая заполучить разрешение на проведение выступлений в самом центре Устюжанска.

Щекотливый вопрос был бы улажен быстро, если бы не одно «но»: всю центральную часть города занимало Тридевятое царство, Тридесятое государство, которое, если верить старожилам-долгожителям, располагалось здесь всегда. Особо памятливые граждане даже уверяли, что Устюжанск как раз и построили вокруг сказочных земель, не знамо каким образом сохранившихся до наших дней. Вся истина о Тридевятом царстве, Тридесятом государстве была известна лишь его правителю Пантелеймону Триодиннадцатому, а тот хандрил и отказывался появляться на публике с тех пор, как название принадлежащих ему земель и прикреплённый к его имени титул стали указываться во всех брошюрах, каталогах и буклетах для заманивания туристов не иначе, как через 3D.

— Срамота! — только и сказал Пантелеймон, когда в его царские покои из типографии доставили свежотпечатанный плакат, вверху которого крупным шрифтом было набрано: «3D-вятое Царство — 3D-сятое Государство ждут тебя!» А внизу стояла личная подпись правителя и её расшифровка — Пантелеймон Триодинна-Д-цатый. — Варвары! Что творят с русским языком?!

— Кто знает? Может, это дань времени и новым цифровым технологиям? — сказал-спросил тогда в коротком телефонном разговоре с Пантелеймоном Вениамин Градоначальников.

— Технологии, может, и цифровые, но царство-государство у меня стародавнее, — ответил Пантелеймон и в сердцах плюнул на доберендеевский телефонный аппарат из ольховых чурок, после чего тот исчез в воздухе, и звонить в царство стало попросту

некуда, потому что больше телефонов в нём не было.

После по поручению городских властей в царство-государство, которое во всех официальных бумагах было зарегистрировано как Детский парк аттракционов, развлечений и отдыха, с телефонной станции, конечно, пришли мастера и установили в сказочной Пантелеймона... («Это у директоров — приёмная, а у меня — сказочная», — любил говаривать Пантелеймон)... новый аппарат.

Инициаторами упомянутых новшеств стали братья Ларцовы, рекламные пиар-менеджеры администрации Устюжанска, а по совместительству ещё и личные телохранители городского головы. Братья заручились поддержкой начальника управления образования Амфибрахия Анапестова, а именно он взвалил на себя непосильную ношу сразу же переписывать правила русского языка, как только Вениамин Градоначальников начинал в каком-нибудь выступлении на радио или телевидении коверкать слова и переставлять ударения. А поскольку делал это Градоначальников практически постоянно, то без работы Амфибрахий не сидел, в соответствии с названием возглавляемого им ведомства.

— Какая-то у тебя неправильная табличка на двери, — как-то раз строго посмотрел на Амфибрахия Градоначальников. — Кто это выдумал такую белиберду — «управление образования»? Пусть мы у себя в Устюжанске и без обсерваторий-консерваторий живём, хлеб жуём, и без филармонического зала с органами, но тоже кой-чего и видом видали, и слыхом слыхали. Уж я-то все эти предательно-родительские падежи кем-чем знаю. Я, почитай, тоже ведь в школе учился. Первые три, нет, два... Два плюс три. Да, первые шесть классов. Не считая вуза. Заочного отделения. С дистанционным обучением. На платной основе. И дипломом по почте. Из Англии.

На следующий день на двери кабинета А.В. Анапестова появилась другая табличка: «Управление образованием».

Глава 4. ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Прибывший с итальянским составом холодный пронизывающий ветер прямо с перрона прорвался через здание вокзала на примыкающую площадь и понёсся в центр города по расходящимся улицам.

Ветер трепал рекламные вывески, подхватывал со скамеек оставленные накануне вечерние газеты, ерошил кусты и выгибал ветки деревьев, обрывая с них пожухлую листву. Он заглядывал в закоулки и подворотни, раскручивал на особняках витиеватые флюгера, прятался и надрывно гудел в водосточных трубах и норвил сорвать головные уборы с ранних прохожих. Пролетев по Bloшиному мосту вдоль вереницы ювелирных салонов, мастерских, ломбардов и букинистических лавчонок, ветер решил заглянуть в спальный район. Его внимание привлекло высотное здание, на седьмом этаже которого оказалось приоткрыто окно.

В комнате, выхваченный из темноты тусклым светом изогнутого ночника, высился книжный стеллаж, а по стороны его стояли детские кровати. На одной спал мальчик Миша, который ходил на работу в детский сад и любил кататься на велосипеде, на другой — та самая девочка Наташа из 4 «А» класса, решившая во что бы то ни стало стать лучшей журналисткой среди всех авторов всех стенгазет всех школ всего Устюжанска.

Ветер чуть задержался у подоконника и, будто решив, что детям пора вставать, с размаха хлопнул створкой форточки о стену, да так, что в ней зазвенело едва не треснувшее стекло.

— Сенсационное цирковое шоу сеньора Джованни Минестроне, — пробормотала во сне Наташа и перевернулась на спину.

— Ми-не-стро-не, — повторил Михаил и, не просыпаясь, подтянул на себя уютное пуховое одеяло.

Ветер, словно дождавшись от детей нужных слов, в тот же миг помчался дальше и вырвался на площадь Дружбы, от которой начинался Детский парк. Набирая скорость, он просвистел по площади и со всей силы ударился о входные ворота парка.

— Ну, кого это там нелёгкая принесла? — недовольно проворчал ночной сторож Стой-Кто-Идёт, отложил в сторону книжку и направился к двери своего штаба-вагончика, чтобы выглянуть наружу и проверить что к чему.

— Началось, — в тот же миг, когда глухо загудели железные ворота, сказал царь-государь Пантелеймон и открыл глаза.

Глава 5. ПРАВДА ЛИ ТО, ЧТО НОНСЕНС

На последней редакционной планёрке Наташе действительно поручили выполнить чрезвычайно важное задание. Она должна была убедить Пантелеймона Триодиннад-

цатого прервать затворничество и вызнать у него всю информацию про итальянских циркачей. А заодно выяснить, правда ли, что из-за их визита Детский парк по приказу городской администрации будет закрыт во время гастролей то ли на внеплановый ремонт, то ли на внеплановые каникулы, чтобы у зарубежных визитёров не было конкуренции.

— Закрытие Детского парка — это нонсенс! — сказал главный редактор газеты 11-классник Даниил, поднял вверх правый указательный палец и для пущей важности несколько раз потряс им в воздухе. — Такого ещё ни разу не случилось за всю историю Тридевятого царства!

— Можете планировать материал в ближайший номер! — сказала Наташа.

Глава 6. В ГОСТЯХ У СКАЗКИ КАК ДОМА

Как уже говорилось, Тридевятое царство, Тридесятое государство существовало испокон веков. Все, кто жил-был в Устюжанске и его окрестностях, сызмальства знали, что у них под боком располагается настоящая волшебная страна, поэтому русские народные сказки воспринимались всей ребятнёй, да и взрослыми не как какие-нибудь выдумки и небылицы, а как нечто достоверное.

Местные жители верили в сказку как в быль и ходили в гости к сказке, то есть — в Тридевятое царство, как домой. Там проживали все сказочные персонажи славянской мифологии и фольклора, поэтому попытки властей других регионов «прописать» у себя Лешего или Домового вызывали у устюжанцев сначала негодование, а затем — недоумение и улыбки. Ни одному местному даже в голову бы не пришло отправиться в Кострому в гости к Снегурочке или в Кукобой, объявленный родиной Бабы-Яги: эти сказочные герои (а не приглашённые на их роли актёры) обитали в Устюжанске собственной персоной, равно как и водяные, русалки, болотные кикиморы, одноглазые лихи (кичившиеся дальним родством с древнегреческими циклопами) и прочая нечисть.

На городской карте сказочное царство занимало лишь центр Устюжанска, но в действительности владения Пантелеймона Триодиннадцатого были куда обширнее: подобно многоуровневой парковке, они занимали несколько десятков ярусов, а благодаря зеркальному отражению внутри территории вообще не имели границ. Ни один из посетителей Детского парка не мог похвастаться тем, что однажды добрёл с какой бы то ни было стороны до ограждения, забора, тупика или таблички с надписью: «Хо́да нет».

И чего там только не было! Посетителей встречал огромный архитектурно-этнографический комплекс со старинными домами, собранными без единого гвоздя и привезёнными сюда со всего Северо-Запада России. По всей территории сказочного царства кишели торговые ряды, ярмарочные площади, аллеи мастеров и детские площадки, где любого желающего могли в два счёта обучить игре в лапту и в городки. Трактиры и балаганы, кузни и конюшни, ремесленные центры и нагульные пруды для разведения рыбы, комнаты смеха, «Русские горки», «Чёртово колесо» и десятки, сотни, тысячи аттракционов: горки, тир, качели, багеты, карусели...

В местных архивах хранились тонны бумаг, испещренных описью всего, что есть в царстве-государстве. Десятки музеев (Музей самовара, Музей сундука, прялки, утюга, половика, саней, лаптя, подковы и так далее) ломались от экспонатов, не считая «неучтёнки» в заброшенных деревнях с заколоченными избами на курьих ножках, в лесных буреломах, вотчине Соловья-разбойника, Одихмантьева сына, и на илистом дне прудов и озёр, рьяно оберегаемых водяными.

Глава 7. ПРИЮТ, В КОТОРОМ НЕ ПРИБЬЮТ

Джованни Минестроне в нетерпении мерил шагами просторный гостиничный холл. Ровно в полдень его обещали встретить здесь, у стойки портье, братья Ларцовы, чтобы доставить в условленное место на встречу с Вениамином Градоначальниковым. За стойкой мирно подрёмывала с вязанием на коленях уборщица баба Груня. Она жила здесь же, в комнатке при гостинице, поэтому торопиться ей было совершенно некуда. На стойке валяжно распластался больше смахивающий размерами на маленького барашка, чем на кота, Кыс Кысыч, которого баба Груня почему-то называла Бегемотом.

— Бабушка, вы разве не видите, что это никакой не бегемот, а самый обычный кот? — не удержался Минестроне, когда уборщица в который раз назвала Кыс Кысыча Бегемотом.

— Какая я тебе бабушка? — зевая, ответила вопросом на вопрос баба Груня и тут же принялась вязать. — Ты только глянь на его размеры! Сразу видно: самый натуральный Бегемот.

— Да почему именно бегемот? — чуть раздражённо спросил Минестроне, глядя на

часы, показывавшие уже десять минут первого.

— Да потому, внучонок, Бегемот, что не гишпопотам! Вот пристал как банный лист, турист пармезанский!

О том, что монсеньор Минестроне прибыл в Устюжанск из далёкой Италии, любопытной бабе Груне, конечно же, было известно: все постояльцы гостиницы «Приют» (принадлежавшей племяннику Градоначальникова) при заселении заполняли анкеты, где всё про себя честно рассказывали. А баба Груня была не только любопытной старушкой с активной гражданской позицией (и двоюродной бабушкой того самого племянника), но и преданной читательницей.

— Бегемот — это прозвище, потому что ест много, — наконец пояснила баба Груня. — А второе прозвище — Лизоблюд.

— Подхалимничает, что ли?

— Да нет, почему же, — махнула рукой уборщица. — Просто лижет блюда, — и уже обращаясь к котофею, добавила: — Лежи, мой красавец, лежи покамест.

«Пока нет мест», — слышалось итальянцу, и для поддержания разговора он миролюбиво сказал:

— Выходит, нашей цирковой труппе ещё повезло!

— Это ещё почему? — подозрительно спросила баба Груня, в руках которой моментально застыли спицы.

— Ну, раз в гостинице пока нет мест.

— А с чего вы это взяли? — баба Груня отложила в сторону вязание и испытующе посмотрела на туриста.

— Но, господа уборщица, вы же сами только что сказали об этом! — почти закричал монсеньор.

— Не кричите, гражданин, не на стадионе, — строго осадила его уборщица. — Ничего подобного я отродясь не говорила, потому у нас в гостинице — более тысячи номеров, и мы можем разместить хоть хор Пятницкого, хоть ансамбль Моисеева. Если вы не выпалили с дороги, то так и скажите, а молоть всякую чепуху и нести ахинею здесь нечего!

Минестроне открыл рот, чтобы парировать, но в этот момент в холл гостиницы ворвались запыхавшиеся братья Ларцовы.

— Где вас черти носят? — гневно обрушился на опоздавших лоботрясов циркач.

«Дико извиняюсь» и виновато пряча глаза, Ларцовы подхватили монсеньора подмышки (да так, что он перестал касаться ногами пола) и, принося ему «ван саузент сорри» (тысячу извинений), засеменили вместе с зажатым между ними итальянцем к выходу.

Над входом снаружи разноцветными лампочками приветливо мигала световая рекламная вывеска и заманивала внутрь большими весёлыми буквами:

ВАС В ГОСТИНИЦЕ «ПРИЮТ» НЕ ОБМАНУТ, НЕ ПРИБЬЮТ!!!

Глава 8. БАКЕНБАРДЫ СЕВЕРЬЯНОВИЧА

В это время Вениамин Градоначальников тоже готовился к встрече с итальянцем, запланированной в ресторане «Дубы-колдуны». Благодаря материальной поддержке иностранцев он планировал нескучно провести недельку-другую в Лондоне и значительно пополнить личный банковский счет. Подхватив с вешалки кепи, которое (как и привычку есть по утрам овсяную кашу, а также читать детективные рассказы сэра Артура Конана Дойла и Гилберта Кийта Честертона) он специально приобрёл в Лондоне, чтобы прослыть у себя в Устюжанске истинным денди, Градоначальников спустился в вестибюль.

У возвращающихся дверей подобострастно застыл швейцар Семён Витушечников. Швейцару шёл шестьдесят пятый год, и он давно был спроважен коллегами по таксомоторному парку на заслуженный отдых. Но классические, картинные, магические бакенбарды Семёна Северьяновича так впечатлили год назад только что вернувшегося тогда из столицы Великобритании Вениамина Градоначальникова, что, случайно повстречав Витушечникова на улице, городской голова решил устроить его на работу и ради этого, позабыв про свой высокий статус, гнался за бывшим диспетчером такси полквартала.

— У меня есть лишь два условия, — сказал Градоначальников опешившему Витушечникову. — Во-первых, на европейский манер я буду сокращённо звать вас Сэмом. Во-вторых, ваши бакенбарды должны быть настоящими, как у одного моего знакомого швейцара в Лондоне. Поэтому позвольте мне убедиться в их подлинности, — и с этими словами мэр ухватил диспетчера за баки и с каким-то болезненным неистовством, даже можно сказать, с остервенением (будто боясь собственными руками раскрыть гримёр-

ский подвох) дёрнул их в разные стороны.

Семён Северьянович взвизгнул от боли, подскочил от неожиданности (хотя и то, и другое он сделал одновременно) и, ещё не успев приземлиться, прямо во время прыжка, мигом оказался принят на работу. Это было самое быстрое собеседование в мире, если, конечно, можно назвать собеседованием дёрганье волос. С тех пор при каждой встрече в обеденный перерыв между нанимателем и работником происходил один и тот же диалог:

- Добрый день, Сэм.
- Добрый день, сэр!
- Да ну, какой я уж тебе сэр? Просто мэр.
- Слушаюсь, господин мэр. Вы на обед?
- Да, как всегда, в паб. Распорядись, мой любезный фрэнд, подать к парадному кэб.

Глава 9. ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА-НИДВОРАЕВНА

— Тебе, деточка, игровую карту с накоплением бонусов, разовые билеты или, может быть, дневной проездной на все аттракционы разом?

Наташа привстала на цыпочки и заглянула в окошко центральной билетной кассы Детского парка аттракционов, развлечений и отдыха. Внутри сидела бессменная Татьяна Николаевна-Нидвораевна, которой из-за потери памяти раньше было негде жить, пока она не появилась на пороге Тридевятого царства, где она обрела и дом, и работу по приглашению Пантелеймона Триодиннадцатого.

— Да нет, тёть Тань, спасибо, — сказала Наташа, потому что была очень вежливой девочкой (что иногда не мешало ей забывать здороваться с соседями). — Сегодня я к вам по работе, — и она протянула в оконце билетной кассы удостоверение спецкорра в красной корочке.

— МБНР, — прочитала вслух Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Теперь мне всё ясно, специальный корреспондент Наталия.

— МБНР — это Межшкольное Бюро Независимых Расследований, — на всякий случай расшифровала Наташа.

— Здесь об этом прекрасно известно. Царь-государь и сам хотел обратиться в МБНР за помощью. Тебя ждут. Проходи и следуй к фонтану. Там тебя встретит извозчик.

— А как я его узнаю?

— По карете и белой лошади.

Вслед за Наташей под окошком билетной кассы на территорию парка незаметно, словно заправский сыщик, прошмыгнул её брат Михаил. Узнав от сестры о журналистском расследовании, он решил проследить за ней, чтобы в случае необходимости тут же прийти на помощь. Для пущей конспирации Мишка нацепил солнцезащитные очки и ковбойскую шляпу с широкими загнутыми полями, чтобы его не смогла узнать ни одна живая душа, включая одноклассников из детского сада.

Глава 10. ИНОСТРАНЕЦ, ПОХОЖИЙ НА УСТЮЖАНЦА

Буквально через минуту после сыщика Михаила к кассе приблизился высокий мужчина и щёлкнул каблукми.

— Мошно мне отин всрослый и тва тетских пилета? — спросил он. — А то йа стесь с репетяшками.

— Иностранец, — вслух догадалась Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Вы, наверно, хотели сказать «с ребятишками»?

— Та-та, с ними, — кивнул мужчина. — Сколько с меня прочитается?

— При выходе из Тридевятого царства с вас причитается лишь оставить своё мнение о посещении в книге «Отзывов и деепричастных предложений», а уж потом оно «прочитается» кем надо и кому надо, — сказала Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Первое посещение для зарубежных гостей у нас бесплатное. Только я что-то не вижу ваших ребятишек. Где же они? — и глаза билетёра зорко блеснули через очки.

— О, они есть такие сорфанцы, чьто за ными нато глас за глас.

— Нужен глаз да глаз, — поправила Татьяна Николаевна-Нидвораевна.

— Та-та, — согласился странный мужчина. — Нушен срасу тва глас, если йа прафийльно посчитать.

— У вас как раз столько, — подсказала Татьяна Николаевна-Нидвораевна.

«Сейчас меня рассекретят», — в панике подумал иностранец (думал-то он по-итальянски, поэтому без всякого акцента) и поспешил переключить внимание бдительно билетёра:

— Та йа смотрю, у фас сефотня ого-го какой прастник! Прьямо фо фсю ифановс-

кую! Оценъ карашё!

С этими словами Кальцоне (а это, как вы уже догадались, был именно он) ещё раз щёлкнул каблуками и энергичной походкой направился в глубь парка.

— Иностранец, а как похож на нашего аттракционного зрителя Иван Иваныча Кальсоны, — тихо сказала вслед Татьяна Николаевна-Нидвораевна. Её лицо омрачилось, но она тут же отогнала от себя прочь какую-то тяжёлую мысль и задумчиво произнесла: — Нет, этого просто не может быть.

Этих слов зарубежный гость уже не услышал. Отделившись от колонны, за ним тенью двинулся дневной охранник парка по прозвищу Отряд Беркут с нашивкой «Отряд «Беркут» во всю спину, откуда, по названию охранной конторы, и пошло прозвище.

Глава 11. СКАНДАЛ В «ДУБАХ-КОЛДУНАХ»

— Надеюсь, вы понимаете, мой дорогой Джузеппе, что всё должно быть строго конфиденциально, то бишь шито-крыто, — крикая после рюмки перцовочки и потирая руки, втолковывал иностранцу Градоначальников в отдельном кабинете ресторана «Дубы-колдуны»; за дверями дежурили братья Ларцовы. — И, разумеется, нам следует определиться с размером добровольного пожертвования, после чего вы переведёте его на банковский счёт одного весьма достойного и известного нам обоим человека, который как раз в эту минуту сидит прямо напротив вас, ха-ха-ха!

— Я, позвольте заметить, не Джузеппе, а Джованни, — ёрзал на стуле Минестроне. — Но это уже не столь важно. В большей степени меня интересует другое. Сможем ли мы уже в ближайшие выходные начать представления, которым вы гарантировали успешный успех из-за отсутствия конкуренции со стороны Тридевятого царства? Устюжанск пестрит нашими афишами, но мне до сих пор неясно, в действительности ли Всенародная Ассоциация Качелей-Каруселей (сокращённо — ВсАсКачКар) намерена отозвать у Пантелеймона Триодиннадцатого лицензии на «Шхуну из бухты Баракты», «Сапоги-вездеходы», «Палас-вертолёт», «Гусли-лебеди», «Полуостров сокровищ», «Кафедру приКЛАДной математики», «Пустыню Сахара-песка» и другие популярные аттракционы? Неизвестен мне и вердикт Аттракционного Инспектората, который, по вашим словам, готов проявить известную степень, э-э-э... как бы это лучше выразиться... лояльности и закрыть Детский парк.

— Гражданин, тише! Ваша фамилия часом не Паниковский? Нет? Тогда не паникуйте, всё будет чин чинарём! Кстати, если вы встретитесь с капитаном шхуны из бухты Баракты Эрролом Флинтом — потомком самого Эдварда Тича по прозвищу Чёрная Борода, не вздумайте произнести при нём фразу «Смотри в оба!» У старого чёрта всего один глаз, и он может воспринять вашу реплику как кровную обиду! — Градоначальников захохотал и трясущейся рукой наполнил рюмку. — А вы зря, Джельсомино, не пьёте. Перцовочка — знат-на-я!

— Я Джованни, а не Джельсомино, — едва не вышел из себя Минестроне. — Ни Джон, ни Джефф, ни Джейкоб, ни Джейсон, ни Джонатан, ни Джимми Джармуш и уж тем более ни Джеральдина Чаплин и ни Джульетта Мазина. Я — Джованни Минестроне. Это во-первых. А во-вторых, не пью я потому, что праздновать мне пока что нечего. Мои покровители из Италии перевели на ваши счета уже такую сумму, что на вашем месте у меня язык бы не повернулся заикнуться о новых взятках!

— Тс-с-с! — зашипел Градоначальников. — Какие взятки? О чём вы? Зарубите себе на носу: все эти ваши итальянские страсти-мордасти нам ни к чему! Кто знает, может быть, в этот самый момент Аттракционный Инспектор лично запирает ворота парка на амбарный замок, а сотрудник Всенародной Ассоциации Качелей-Каруселей опечатывает полные золота трюмы шхуны из бухты Баракты... («Так вот почему донья Лазанья настаивала на том, чтобы мы прибрали к рукам прежде всего именно этот аттракцион», — промелькнула в голове Минестроне сразу ставшая очевидной догадка)... и забирает у пиратов колоду карт сокровищ, а у Ала ад-Дина — его чудесную паяльную лампу. С другой стороны, разлюбезный Джакомо, что-то вы подозрительно хорошо говорите по-русски, хотя гостите в нашей губернии всего лишь первый день. Может, вы вовсе не тот человек, за которого себя выдаёте, а шпион и авантюрист, который за последние пять лет провернул у нас в стране уже немало афер, прикрываясь цирковыми кулисами, афишными тумбами, фокусами-перепекусами и дрессированными макаками. Или вы, Джулиано Джемма, наивно полагаете, что мои друзья-чиновники из соседних областей не поспешили уведомить меня, самого Вениамина Градоначальникова, о том, что под видом невинной овечки ко мне крадётсЯ волк? Так что не надо пудрить мне мозги и вешать на уши спагетти! Цирковое шоу Джованни Минестроне — лишь блеф, бутафория, прикрытие, ширма! А под всей этой мишурой скрывается кулинарная МА-ФИ-Я! Да-да, вы здесь только потому, что крёстные отцы, которые управляют пятью наибо-

лее влиятельными сицилийскими кланами, решили опутать своими невидимыми щупальцами всю Россию, включая наш славный безобидный городок, и сделать наших доверчивых граждан заложниками своей вредоносной стряпни!

Опешивший от неожиданности Минестроне сидел тише воды, ниже травы.

— Как видите, я прекрасно осведомлён о ваших тайных намерениях! — не на шутку разошёлся Градоначальников. — Вы хотите захватить Устюжанск? Он к вашим услугам. Но только как и мои банковские счета, чьи реквизиты я с удовольствием готов напомнить, чтобы вы ещё раз пополнили баланс, многоуважаемый Джанкарло Джаннини!

Градоначальников звонко хлопнул по белоснежной скатерти ладонями, позвонил в серебряный колокольчик и велел прибывшему официанту немедленно подавать солянку с дольками лимона, зеленью и кедровыми орешками.

— Так что привет дону Брокколи! — с этими словами уже изрядно наклюкавшийся городской голова подмигнул голове клыкастого кабана, украшавшей стену над столиком, показал своему итальянскому гостю язык и задремал за столом.

Напротив затих присмиревший Джованни Минестроне. Он никак не мог предположить, что мэру Устюжанска известно о сговоре пяти семей сицилийской мафии.

Глава 12. ДЖЕЙМС ФЕНИМОР, КУЧЕР

К фонтану от ворот парка вёл широченный проспект. Всюду мелькали улыбающиеся клоуны со связками воздушных шаров. Фотографы бесплатно предлагали сделать моментальные цветные снимки. А решившие подзаработать карманных денег студенты дурачились с малышкой, прячась внутри двухметровых кукол Винни-Пуха, Незнайки, кота Леопольда, барона Мюнхгаузена, крокодила Гены, Волка из «Ну, погоди!» и других персонажей из советских мультфильмов.

С разных сторон то и дело доносились зычные возгласы «Поб-бер-реги-и-ись!», «Уступи дор-ро-огу!» — это по специально отведённым дорожкам сновали шарабаны и фазтоны, дилижансы и омнибусы, упряжки и тарантасы, телеги, брички и колымаги...

Наташа ещё издали заметила извозчика в высоком тёмном цилиндре возле золочёной кареты. Тот, как ни странно, тоже заметил Наташу и приветственно помахал ей рукой, хотя никак не мог знать её в лицо. А утолявшая в это время жажду лошадь оторвалась от бассейна с водой, посмотрела на журналистку из 4 «А» класса и одобрительно заржала.

— Наташа, — приблизившись к экипажу, сказала Наташа. — Кажется, я к вам.

— Позвольте представиться, маленькая мисс, — поклонился извозчик. — Меня зовут Джеймс Фенимор...

— Купер? — охнула девочка, знавшая про куперовские романы о Натаниэле Бампо и смотревшая мультсериал про приключения Зверобоя.

— Кучер. Джеймс Фенимор, кучер, или, как пел Леонид Утёсов, водитель кобылы. А вот эту молодую кобылицу кличут Ревеккой Степановной. Так что будем знакомы, Наташа.

— Будем. Но неужели её и вправду так зовут?

— Да, так и зовут. Соглашусь, сочетание клички и... как бы это лучше выразиться... отчества, пожалуй, не самое удачное, но её папаня, тяжеловоз Степан, был из здешних, с сельхозартели «Красная Заря». А маман звали Ровеной, в конюшни Тридевятого царства её доставили откуда-то из-за рубежа. Вскоре после этого на свет и появилась Ревекка, причём роды принял тот самый конюх Фёдоров, который гостил у Пантелеймона.

— Ух ты ж! Сам Фёдоров! — удивилась Наташа. — А я в юмористической газете читала, будто жена конюха каждый раз вздрагивает, когда он собирается в булочную или вынести мусор. Но так и не поняла почему. Вы, случайно, не знаете?

— Нет, — ответил сбитый с мысли кучер. — Но анекдот — про Фёдора Конюхова, а не про конюха Фёдора. Лично мне этот конюх показался просто чересчур увлекающейся натурой, к тому же с очень короткой памятью. Может быть, его жена расстраивалась именно по этому поводу?

— Может быть, — пожала плечами Наташа. — Всё может быть.

— Так вот, — вернулся к теме Джеймс Фенимор. — Ревекку мы все нежно называли в младенчестве...

— В жеребчестве, — подсказала Наташа. — Наверное, так сказать будет уместнее?

— Наверное, — опять чуть сбившись, автоматически кивнул кучер. — Ревекку называли в жеребчестве Рёвой-коровой или просто Рёвой. А из-за матери-иностранки все её предки, стало быть, так или иначе принадлежали к заграничному роду-племени. Если верить самой Ровене, её прежний владелец ночами напролёт зачитывался прои-з-

ведениями английских писателей девятнадцатого века, из-за чего маман настояла, чтобы и дочери дали такое необычное для наших устюжанских краёв имя.

Выслушав краткий экскурс в лошадиную историю, Наташа с ещё большим уважением посмотрела на Ревекку Степановну. «Уж ты ж, иностранка! — подумала она и даже немного позавидовала Ревекке Степановне. — Везёт же некоторым!» Сама Наташа побывала за границей впервые только этим летом, да и то вроде как за ненастоящей границей, а в одной из бывших союзных республик, многие из которых в Наташином возрасте уже успел объездить её отец.

— А теперь, маленькая мисс, я попрошу вас устроиться в карете поудобнее, — кучер открыл дверцу кареты и жестом пригласил нашу героиню подняться по трём ступенькам. — Всеобщее собрание без вас, несомненно, не начнут, но всё же следует поторопиться.

Девочка поднялась по ступенькам, и дверца кареты бесшумно затворилась.

— Ну-с, Ревекка Степановна, извольте не филонить, — ласково погладил Джеймс Фенимор лошадь и забрался на облучок.

Ревекка Степановна компанейски заржала, и конный экипаж, на запятки которого стремглав вскочил проворный сыщик Михаил (к счастью, место для лакея позади кареты было не занято), сделал у фонтана круг почёта и напрямки устремился в заросли колючего кустарника.

«Сейчас мы врежемся в кусты и обязательно поцарапаемся», — даже не успев толком испугаться, обречённо подумала Наташа. Но густые кусты на мгновение расступились, тут же сомкнулись за ними плотной стеной и открыли для кареты петляющую меж деревьев аллею, которая терялась под тенистым пологом бескрайнего лесопарка.

«Прямо поедешь — к Пантелеймону приедешь», — успела прочитать надпись на гранитном валуне Наташа, после чего Ревекка Степановна до того резво рванула с места в карьер, что девочке показалось, будто на какой-то момент колёса кареты оторвались от земли.

— Ой! — при внезапном рывке раздался сзади чей-то пронзительный ойк.

— Вы ничего не слышали, маленькая мисс? — спросил по внутренней селекторной связи Джеймс Фенимор, кучер.

Наташа всё прекрасно слышала и даже знала, кому принадлежит этот «ойк», но брата не выдала и слукавила:

— Это я вскрикнула от неожиданности, дяденька кучер. Но теперь у меня всё хорошо.

Глава 13. ЛИГА БАКАЛЕЙЩИКОВ

Пять лет назад в центральное представительство цирковой корпорации Минестроне, занимавшее двадцать первый этаж высотного здания в центре Палермо, столицы Сицилии, без приглашения и даже без стука ввалился Витторио Каннеллони, тот самый известный голворез и, что самое страшное, правая рука дона Брокколи, одного из пяти главных воротил продовольственного рынка Южной Италии.

— Сейчас я выступаю в роли семейного посыльного, — сразу взял быка за рога Каннеллони.

Он вальяжно развалился в кресле, скрестил запястья и закинул ногу на ногу. — Мне поручили сделать тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться! — слыша это, Джованни Минестроне заметно погрустнел: — На протяжении долгих лет Лига бакалейщиков заботилась о тебе и твоей семье, как о своих родных. Вы никогда не знали, что такое голод, и не садились трапезничать за пустой стол. Лига оплачивала твою учёбу в школе, заботилась, чтобы твоих младших сестёр не обижали, чтобы они смогли успешно окончить курсы кройки и шитья и найти достойную работу, — загибая пальцы, перечислял Каннеллони. — Всё шло так, как если бы бакалейщики были тебе вторыми отцами, а донья Лазанья — второй матерью. Благодаря этому ты вырос приличным человеком и крепко встал на ноги. Настало время платить по счетам...

Всем и каждому в Палермо тех времён было известно, что возможность прокормить свою семью напрямую зависела от нескольких уважаемых людей. Добиться их расположения представлялось делом нехитрым. Для этого было достаточно отправить по адресу Лиги бакалейщиков поздравительную открытку с пожеланиями процветания и выразить свою готовность быть чем-нибудь полезным. Ответ не заставлял себя ждать вместе с фирменной корзинкой мясных деликатесов, украшенных базиликом и шафраном. И после того, как заветная корзинка оказывалась на пороге вашего дома, вы уже могли не переживать, что в случае потери работы вам придётся просить милостыню на паперти, а вашим домочадцам — жить впроголодь и время от времени потуже затягивать провисшие ремни и пояса. Впредь заботу об обеспечении вашего семейства

продовольствием брала на себя Лига бакалейщиков. Но вы должны были осознавать все последствия:

— Когда мы протягиваем вам руку помощи, то считаем себя вправе рассчитывать на ответный жест, — именно эту, ставшую крылатой фразу произнёс незадолго до смерти основатель Лиги бакалейщиков Ремо Тортеллини.

И с тех пор каждый, кто был в ладах с головой и здравым смыслом... («А то ведь знаете, как бывает? — любил говаривать старик Тортеллини. — Свет горит, а дома — никого, хе-хе»)... неукоснительно придерживался этого золотого принципа. Скажем больше: ему изо всех сил старались следовать даже те, у кого с головой было не всё в порядке (свет горел, а дома — никого).

Сейчас у руля лиги стояли пятеро. Дон Брокколи держал овощные ряды и фруктовые базы, торгующие в промышленных масштабах экзотическими плодами со всех уголков света. Дон Капучино заправлял вереницей моментальных закусочных и турецких кофеен. Дон Фетучини владел макаронным концерном «Болоньезе» и разветвлённой сетью домашних хлебопекарен, где с утра до вечера выпекали сдобные слойки-перемешницы (в виде улыбки до ушей) с домашним рассыпчатым творогом, сыром, ветчиной, мясом, шоколадом, повидлом, яблоками и лесными ягодами. Дон Томато контролировал в спальных районах россыпь китайских лавчонок, где в любое время дня и ночи без труда можно было отыскать всевозможные специи, приправы и пряности, что так нравились домохозяйкам из окрестных домов.

А настоящим серым кардиналом (точнее — серой кардинальшей) синдиката подпольных «кулинаров» являлась донья Лазанья, у которой в рукаве всегда были припрятаны несколько козырных тузов. Именно ей принадлежал доставшийся с молоком матери секрет приготовления пиццы «Карбонара», за раскрытие которого конкуренты сулили донье поистине баснословные барыши, но она не делилась тайной.

Глава 14. ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА-НИДВОРАЕВНА-2

Уже через несколько минут после начала поездки Наташа потеряла счёт времени, поэтому не могла даже примерно предположить, сколько занял весь путь от фонтана до расписного терема Пантелеймона Триодиннадцатого, перед которым остановилась карета.

— А мы, собственно, только вас и ждём, — с распростёртыми объятиями встретила Джеймса Фенимора, кучера, и его юную пассажирку откуда ни возьмись появившаяся здесь Татьяна Николаевна-Нидвораевна.

Глаза Наташи округлились от удивления:

— А как вы попали сюда вперёд нас?

— Да я всё время была здесь, — сказала Татьяна Николаевна-Нидвораевна.

— Кого же я тогда видела там? — ещё больше опешила Наташа.

— Там дежурит моя цифровая голограмма, именно с ней ты и общалась, — ласково ответила хозяйка билетной кассы. — Но лучше расскажи, что за симпатичный слуга приехал вместе с вами и почему он прячется за каретой?

Из-за кареты выглядывала любопытная мордашка Миши.

— Это мой младший брат Михаил. Он будет помогать мне в расследовании, можно?

— Ну раз помогать, то можно, — разрешила Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Думаю, Пантелеймон Триодиннадцатый тоже не станет возражать против этого. А теперь пройдёмте в зал. Я вас со всеми познакомлю.

Глава 15. СКАЗОЧНАЯ СВИТА, КОТОРАЯ ДЕЛАЕТ КОРОЛЯ

За дубовым столом в трапезной собралась шумная и разномастная компания. Кое-кого из присутствующих Наташа знала: это сторож Стой-Кто-Идёт, дневной охранник Отряд Беркут, по бокам которого замерли два цепных пса Беяш и Гуляш, смотритель аттракционов Иван Иванович Кальсоны, дед Хохотун из комнаты смеха «Королевство кривых зеркал», модельер-закройщик Шиворот-Навыворот, недавно открывший при дворе золотошвейню, Михайло Иванович Толстопятков из Бюро медвежьих услуг «Ну спасибо — так спасибо!», индеец Тапиока из рода Маниок и капитан Эролл Флинт, владелец шхуны из бухты Баракхты. Другие приглашённые лица ни Наташе, ни тем более её брату Мише известны не были.

— Это владельцы форелеводческого хозяйства Чук и Хек, — шёпотом проговорила Татьяна Николаевна-Нидвораевна, задержавшись у входа. — Приехали к нам из Карелии в надежде узнать, как можно вывести в условиях неволи государыню золотую рыбку.

«Очень странно, — подумала Наташа, увлекаясь ихтиологией. — Вообще-то

золотая рыбка — это вид пресноводных лучепёрых рыб рода карасей, одна из самых популярных сейчас обитательниц аквариума, чей далёкий предок был одомашнен человеком ещё в седьмом веке нашей эры. При чём здесь форелеводческое хозяйство — не понимаю». Но вслух ничего такого не сказала и тоже шёпотом спросила, показывая на обладателя расшитого огнедышащими драконами кимоно:

— А это кто?

— О! — воскликнула, словно ждала этого вопроса, Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Это известный японский филолог-фольклорист профессор Тоямаканова.

— Чего вы там про наши дороги-то говорите? — вклинился в разговор слушавший их вполуха Джеймс Фенимор. — Кстати, я могу произнести несколько слов по-японски: Акиро Куросава, саке, кимоно и сакура, — кучер горделиво приосанился. — А ещё — банзай и суши.

— Да-да, СССР — это одна шестая часть суши, — сделав серьёзное выражение лица, с видом маленького академика подтвердил Михаил. — Нам на Дне России в детском садике про это рассказывали.

— Ну надо же! — всплеснула руками Наташа. — Джеймс Фенимор знает японский, а мой Миша — географию!

За Тоямакановой сидел гражданин в перепачканной спецовке.

— Его зовут Шпатель, — пояснила Татьяна Николаевна-Нидвораевна.

— Он что, по всем видам отделочных работ? — деловито осведомилась Наташа.

— Да с чего ты взяла? — удивилась Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Нет, не только. Товарищ Шпатель у нас вообще на все руки мастер, а по одному лишь имени очень сложно судить о человеке, запомни это.

— А кто это рядом с ним?

— Его начальник, прораб Сам Самыч.

— Сан Саныч? — переспросила журналистка.

— Нет, Сан Санычем он был раньше, а теперь — Сам Самыч.

— Как это и почему?

— Да потому, что после того, как он турнул из конторы Двоих из ларца — одинаковых с лица, ему долгое время приходилось всё делать самому! И лишь потом у него на подхвате появился Шпатель.

В трапезной находились также сёстры МакКияж, прибывшие по приглашению, полученному по линии Всемирного детского фонда имени братьев Grimm.

— МакКияж — это яркий сценический псевдоним, — пояснила кассир. — А так этих чопорных немецких сестриц в переводе на русский язык зовут Ябеда фон Флигель и Корябеда фон Флюгер.

— Тогда почему у них разные фамилии?

— Потому, что они не родные сестры, а дважды два четвероюродные.

«Наложили братьям грим.

Оказались братья — Grimm!» — сочинила стишок и записала в свой блокнот Наташа, а потом с опаской спросила:

— А сёстры не нябедничают циркачам о том, что здесь происходит?

— Да нет! — махнула рукой Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Они же ни слова не понимают по-русски, кроме «матрёшка», «бабушка» и «балалайка». А в общении с окружающими им помогает переводчик Артём Полиглов, который работает у нас и проводит экскурсии для иностранных делегаций и туристов.

— Зачем тогда они сидят здесь, если всё равно не понимают, о чём идёт речь?

— Ну не выгонять же их, раз приехали? — развела руками билетёр. — Зато после их визита по линии фонда за границей сможет побывать кто-нибудь из нашего царства.

Рядом с сёстрами расположились круглые пятёрышники Буквояд и Зубрилка, втайне симпатизировавшие эксцентричным немкам, Мальчик-с-пальчик, приручивший Человека-с-паука, старый фонарщик Вечер-Добр, с наступлением сумерек зажигающий в Детском парке чугунные фонари и заведовавший всей тутошной иллюминацией, его незадачливый помощник Недотёпа и говорящий филин Ацидо. Обычно филин восседал на плече Пантелеймона, но на этот раз он разместился на жёрдочке и делал вид, что дремлет.

— Ваш ход первый, — обратился к нему Вечер-Добр, закончив расставлять на шахматной доске фигуры. — Сделайте одолжение, дайте отыграть старику партеечку.

— Да не успеем мы партеечку, вот-вот подойдёт Пантелеймон, — проворчал филин. — Как всегда — пешкой с e2 на e4.

— А что такое едва ечетыре? — не понял Недотёпа.

— Вам, молодой человек, давно пора учебники читать и гранит науки грызть, — наставительно сказал мудрый филин. — А вы вместо этого всё время какие-нибудь элементарные вещи да откровенные глупости спрашиваете, которые не знать в вашем воз-

расте уже просто неприлично.

— У меня с этими учебниками никакого сладу нет, — виновато признался Недотёпа. — В голове — сплошная каша, и запомнить ни строчки не могу. А грызть гранит — зубов жалко.

— Манная у тебя в голове каша, — ухнул Ацидо. — Эх ты, немогузнайка!

— Не расстраивайся, Тёпка! — утешил его Вечер-Добр. — Какие твои годы? Ещё успеется! А если зубы заболят, так сразу к стоматологу беги, тем более у него — новая бормашина.

— К стоматологу, — повторил Недотёпа название незнакомой ему профессии и тут же спросил: — А как пишется это слово? «100» — цифрами, а «матологу» — буквами?

— Нет, — сказал филин Ацидо. — «Сто» — буквами, а «матолог», наоборот, — цифрами.

— Как интересно! — восхитился Недотёпа. — Ни в жизнь бы не догадался, что зубы лечит лесник! — и, поймав на себе удивленные взгляды Ацидо и старого фонарщика Вечер-Добра, добавил: — Ну, раз у стоматолога есть бормашина, значит, он как-то связан с лесной техникой.

В дальнем углу с кем-то по мобильному телефону шушукалась рыжая девчонка лет двенадцати.

— Кто это? — поинтересовалась Наташа.

— Её зовут Шу-шу, — ответила Татьяна Николаевна-Нидвораевна.

— Что за странное имя? — удивился Миша. — Откуда такое?

— Это не имя, а прозвище, — сказала всезнающая билетёр. — Да вы посмотрите, как оно ей подходит: ведь она всё время шушукается!

В трапезную вошёл царь-государь.

— Прошу всех занять места за столом, — сказал Пантелеймон Триодиннадцатый.

— Позвольте представить: у нас в гостях журналистка Наташа. Она напишет статью, чтобы проинформировать жителей Устюжанска о том, что городские власти задумали вернуть вместе с итальянскими мафиози.

В зале воцарилось гробовое молчание.

— Полицейский родился, — со знанием дела сказал Отряд Беркут, словно он был ясновидящей бабкой-гадалкой.

— Над нашим парком нависла настоящая угроза, и мы должны вместе решить, как нам от неё избавиться, — на секунду царь задумался, вспоминая, что же за выражение он недавно слышал в популярном шоу по телевизору, а потом твёрдо добавил: — Здесь и сейчас!

Глава 16. ОСТОРОЖНО! ЗАЗЫВАЛЫ ПОЛЕНТА И ФОНТИНА

Когда поезд с «Сенсационным цирковым шоу сеньора Джованни Минестроне!!!» прибывал в пункт назначения, сначала устанавливался огромный цирковой шатёр, а вокруг него, словно сморчки после дождя, вырастали пиццерии, таверны, фастфуды, забегаловки и закусовые, где посетители попадали под обволакивающие чары жгучих и лучезарных зазывальщиц Поленты и Фонтини, которые нежными бархатными голосами уговаривали заглянуть... («Хотя бы на минуточку, сеньор. Ну пожалуйста! О, какие славные детки! Ваши? Да, я это сразу поняла, они ведь так похожи на вас! А какая очаровательная у вас супруга! Решайтесь! Бутылка вина за счёт заведения, а детям — клубничные коктейли и ванильное мороженое с шоколадной крошкой в подарок!»)... в ресторан «Карло Коллоди».

— Как только наш шеф-повар Винченцо Пармиджано увидел вашу семью, он ментально бросился на кухню готовить свои фирменные равиоли с креветками и сыром, — щебетала Полента, увлекая попавшее под её очарование семейство простофиль в объятия администратора в костюме Пиноккио, отбивающего деревянными башмаками чечётку. — Да вот и сам сеньор Пармиджано выглядывает с кухни и машет вам поварским колпаком.

Из окошка действительно выглядывал упитанный чёрнобровый мужичок с бакенбардами, который, как заведённый, жестикулировал руками и источал улыбки. Его ног не было видно, но можно смело поспорить, что в тот момент он пританцовывал от счастья.

— Ради всего святого, вы же не сможете обидеть своим отказом этого чуткого, рацкого человека! — восклицала Фонтини, протягивая детям сладкую вату.

В это время сеньор Пармиджано прикладывал к лицу маску Пьеро и начинал театрально рыдать, подёргивая головой и сотрясая плечами.

— Шеф-повар кладёт в тесто такую начинку, что вы просто пальчики оближите! — уверяла Полента. — Из чего именно она делается, никто, кроме меня, не знает, но я

вам, по секрету, конечно же, скажу, что сеньор Пармиджано смешивает для начинки мелко нарезанные креветки, овечий сыр рикотта или пеккорино, лимонный сок, зелень петрушки, тимьян, рубленый базилик, молотый чёрный перец и соль.

— А когда блюдо готово, его подают к столу с маслинами и взбитым соусом из сливок и сыра моцарелла! — подхватывала Фонтина.

— Цены — фантастические! — доверительно сообщала Полента.

— Суммы — символические! — поддакивала ей Фонтина.

— Дешевле — только даром! — раздавалось с кухни оперное пение шеф-повара Винченцо Пармиджано.

И с этими словами девушки под белы рученьки передавали попавшихся на удочку посетителей чечёточнику Пиноккио. А тот, бесконечное количество раз кланясь и расшаркиваясь, вёл их за собой к уютному столику в глубине веранды, увитой декоративным плющом, хмелем и виноградной лозой.

Глава 17. РАДОСТИНИАДА

В каждом городе, куда прибывал цирковой состав, он останавливался на месяц. Всюду следующие за циркачами кулинары были обязаны в месячный срок приложить все усилия, чтобы вызвать у посетителей стойкую зависимость к порошковому препарату «Радостин». По заказу Коза Ностры его как добавку к генетически модифицированной пище (ГМП) разработали лучшие продажные докторишки.

— Какая-какая пища? — не понял Джованни Минестроне, когда головорез и по совместительству правая рука дона Брокколи Витторио Каннеллони, бесцеремонно вторгшийся в центральный офис цирковой корпорации, впервые произнёс эти загадочные «генномодифицированные» слова.

— ГМП — это продукты питания, полученные из генетически модифицированных организмов — растений, животных или микроорганизмов, — назидательным тоном, словно на лекции перед студентами-недоучками, прочёл по бумажке Каннеллони. — Для секретности — ГМО.

— То, что речь идёт о полном ГМО, это понятно, — кивнул Минестроне. — Но я никак не могу взять в толк, каким образом всё это связано с нашей творческой деятельностью? При чём здесь мой цирк?

— А при том! — с вызовом буркнул Каннеллони и выложил все карты.

Из того, что понял Минестроне, следовало: в и без того ненатуральные продукты мафиози решили добавлять препарат «Радостин», вызывающий столь же стойкую зависимость, как курение и игровые автоматы. Несмотря на дружелюбное название препарата (между собой сицилийцы прозвали его ещё «пилюлями счастья») и то, что он действительно вызывал у людей приливы ничем не объяснимой радости (если не сказать, приступы безудержного веселья и дикого хохота), последствия его приёма настоятельно ждали. А ожидаемый результат не заставлял себя ждать.

«Радостин» добавлялся во все кушанья, предлагаемые на подступах к цирку. Омлеты и запеканки, салаты и соусы, каши и супы, вторые блюда и сырные нарезки, рыбные и овощные ассорти, соленья и маринады, сдобная выпечка и сладости, ванильное мороженое и фруктовые десерты — всё это было пропитано и нашпиговано «Радостином», не имеющим ни вкуса, ни цвета, ни запаха...

Его растворяли в кофе и какао, лимонадах и тониках, соках и морсах, шипучках и смузи, кислородных коктейлях и даже кое в чём покрепче. Добавляли в пряности и приправы. И даже натирали им до блеска поставляемые донем Брокколи овощи и фрукты, поскольку «Радостин» превосходно впитывался в них.

Люди, однажды попробовавшие эту стряпню, безотчётно желали снова и снова утолить ею разыгравшийся волчий аппетит. Через неделю посетители, посаженные на «Радостин», уже дневали и ночевали в круглосуточно работавших пиццериях и ресторанах и не появлялись на работе, их увольняли, и они начинали тратить на еду сбережения. Когда цирк уезжал, в оставшихся закусокных и кафетериях взлетали цены, а обезумевшие завсегдатаи, которых выдавал голодный блеск затравленных глаз, принимались продавать всё своё имущество, лишь бы ещё и ещё раз испытать необыкновенное чувство пьянящей радости.

В обмен на «Годовой абонемент счастливого едока» жертвы «Радостина» переписывали на Лигу бакалейщиков свои машины, дачи, земельные участки и домики в деревне, квартиры и загородные особняки, огороды и садовые участки с плодовыми деревьями.

Глава 18. ЗАСЕДАНИЕ ПАНТЕЛЕЙМОНОВОЙ ДУМЫ

— Ранним утром в Устюжанск приехали итальянские циркачи, которые на самом деле не только циркачи, — обвёл взглядом собравшихся в трапезной Пантелеймон Тринадцатый. — Помимо артистов, к нам на поезде прибыли шеф-повара, направленные сюда мафиози из Козы Ностры, чтобы приучить наших горожан к вредной еде, приправленной порошком «Радостин», вызывающим чудовищную зависимость. Сейчас городской голова Вениамин Градоначальников обсуждает детали сделки с владельцем циркового шоу Джованни Минестроне, и если они ударят по рукам, то в наш Детский парк вскоре нагрянут лицензионщики из Всенародной Ассоциации Качелей-Каруселей, которых хлебом не корми, дай только прикрыть какой-нибудь кегельбан, и чи подралы из Аттракционного Инспектората, способные привязаться к любой мелочи.

— А что такое Коза Ностра? — тихонько поинтересовался Недотёпа.

— «Cosa Nostra» называют сицилийскую преступную организацию или мафию, что в переводе означает «Наше дело», — сказал отличник Зубрила и скромно добавил: — Это я словарь энциклопедический процитировал.

— И чем нам грозит это их дело? — сурово спросил Отряд Беркут.

— Чем угодно, — вздохнул царь-государь. — В лучшем случае инспекторы составят длинный перечень замечаний и вынесут предписание о приостановлении нашей деятельности...

— Как это вынесут? — словно ужаленный подскочил на стуле Стой-Кто-Идёт, который до этого увлеченно листал последний выпуск журнала «Вестник секьюрити» и всем своим видом показывал, будто не следит за ходом разговора. — Запомните: мимо меня никто ничего не вынесет и не пронесёт. Насчёт этого можете быть покойны!

— А если кто чего и пронесёт, то я его вожжами промеж спины так огрею, что мало не покажется! — аккуратно согнал плёткой сонную муху на спинке соседнего стула Джеймс Фенимор, кучер.

— Вы, уважаемый Стой-Кто-Идёт, совершенно напрасно возмущаетесь, — мягко осадил ночного сторожа Пантелеймон и в знак примирения протянул ему фруктового Петрушку на палочке. — Мы гуторим совсем не об этом. Да и ты, Фенимоша, погодь, помолчи, — передал кучеру царь-государь сахарного лося. — Давай договоримся так: в случае чего штатные богатыри царства обратятся к тебе за помощью.

— Да и нас, тысяча чертей, ещё рано списывать на берег! — стукнул деревянной кружкой по столу морской волк Эролл Флинт и поправил чёрную повязку на левом глазу. — Эля!

На зов к столу немедленно приблизилась вдруг откуда-то появившаяся трактирщица Эльвира.

— Эля, — повторил капитан, — налей, пожалуйста, воды — мне таблетку запить надо.

— А ведь многоуважаемый капитан прав: списывать со счётов пиратское братство нам ни в коем случае нельзя, — после недолгих раздумий молвил Пантелеймон. — Флибустеры и корсары, а по-нашенски, ушкуйники — лихие ребята, которые под предводительством капитана Капитона всё ещё могут задать и перцу, и жару, хотя их шхуна уже давно бросила якоря. Уверен, что они никому дадут застать нас врасплох и взять на бордаж, так сказать, с бухты-баракхты!

— Славно сказано! — похвалил капитан Элмор Флинт и добавил: — Эх, сейчас бы хряпнуть настоящего эля, да лекари запрещают, лопни моя селезёнка!

— Вот чтобы ничего не лопнуло, ни селезёнка, ни печёнка, врачи и запрещают, — проворчала трактирщица Эльвира и на всякий случай забрала у капитана кружку.

— Но я сейчас говорю о другом, — продолжил мысль Пантелеймон. — Насколько смехотворными ни покажутся придирки Аттракционного Инспектората, мы не сможем оспорить их в одночасье, понадобится писать кучу протестов, заполнять ворох бланков, рассылать во все концы кипы бумаг. Мы потеряем массу времени, пока будем отвлекаться на бюрократические дрызги и доставать справку, что мы не верблюды.

— А при чём тут верблюды? — спросила через переводчика Ябеда фон Фигтель. — Я что-то не уловила взаимосвязи.

— Это выражение такое, — пояснил говорящий филин Ацидо. — Так говорят, когда надо доказать, что мы совсем не те, за кого нас принимают, а те, кем мы являемся на самом деле.

— А я всё равно не понял, — надул губы помощник старого фонарщика Недотёпа, показал филину язык и демонстративно отвернулся к окну.

— Однако опасаться нам надо вовсе не проверяющих, — поднял вверх правую руку с вытянутым указательным пальцем Пантелеймон. — И даже не циркачей с их стряпнёй, выступающих в этой шахматной партии в роли пешек, — царь-государь выдержал

паузу для требуемого эффекта и закончил мысль: — Устюжанск может погубить коррупция в лице алчного мэра, купленного Коза Нострой.

Глава 19. ИЗВОЛЬТЕ-С, ЯБЛОЧКО НА ТАРЕЛОЧКЕ ДЛЯ ПРОСЛУШКИ

— А как бы нам побыстрее узнать, о чём договорятся Вениамин Градоначальников и Джованни Минестроне? — нарушила тишину Наташа.

— В ресторане «Дубы-колдуны», — ответил Пантелеймон, — главным официантом работает Чего Изволите-с, наш человек, чьи предки до двадцатого колена прислуживали в Тридесятом государстве на царских пирах. По просьбе нашей службы безопасности Чего Изволите-с установил в помещении, где секретничают интересующие нас персоны, волшебную тарелочку с яблочком. Этот жучок спрятан в посудном шкафу, так что на изображение не рассчитывайте, но разговор мы должны расслышать. А ну-ка, пятёрышники, — обратился Пантелеймон к круглым отличникам-программистам Буквоеду и Зубриле, — введите-ка в ноутбук координаты ресторана, — он взял подсоединённый к ноутбуку микрофон и произнёс словесный код для установления связи: — Катись, яблочко по тарелочке да покажи нам, что удумали мэр с циркачом.

Все уставились на висящую на стене большую жидкокристаллическую панель. На экране стала постепенно проступать круглая (по диаметру волшебной тарелочки) картинка. Собравшиеся в тереме увидели дверцу посудного шкафа и графин перед ней. Сквозь стекло едва угадывались силуэты двух едоков, зато был хорошо слышен разговор.

— Разлюбезнейший Вениамин, — перегнувшись через стол, робко тронул за лацкан пиджака сладко посапывающего Градоначальникова Джованни Минестроне. — К чему нам ссориться? Рискну предположить, что мои покровители не преминут порадовать вас ещё одной круглой суммой, — при этих словах Вениамин приоткрыл левый глаз. — Однако вы должны понимать, что от вас ждут соответствующих действий. На календаре пятница. До конца рабочего дня (да что там дня — всей рабочей недели!) остались считанные часы, а уже в субботу — представление начинается.

— Чёрт с тобой, итальяшка! — прорычал Градоначальников. — Детский парк аттракционов, развлечений и отдыха будет закрыт сегодня же! Это я гарантирую! Цена гарантии — десять миллионов рублей.

— Хорошо, — артистично склонил голову циркач и достал мобильник, чтобы связаться с доньей Лазаньей, но телефон, как по волшебству, зазвонил сам. Итальянец, извиняясь, нажал кнопку ответа.

Глава 20. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЦАРЯ В ТЁТУШКУ КЛАУДИЮ

— С вами говорит правитель Тридевятого царства, Тридесятого государства Пантелеймон Триодиннадцатый. Не подавайте вида, что вы говорите со мной.

— Да-да, погоды здесь стоят дивные, — быстро сориентировался артист.

— Я знаю, как вам выпутаться и ничего никому не платить, ни местным коррупционерам, ни своим хозяевам, не дающим вам раскрыться как артисту с больших букв и свободно заниматься искусством. Если вы заинтересовались моим предложением, нажмите цифру 1. Это я шучу. Жду вас через час у главных ворот парка. А это я серьёзно. Коли придёте, то скажите сейчас: «Ну, разумеется, тётя, я обязательно отправлю вам из Устюжанска открытку».

— Ну, разумеется, тётя, я обязательно отправлю вам из Устюжанска открытку, — слово в слово повторил за Пантелеймоном Минестроне и отключил трубку. — Это моя тётушка Клаудиа, — пояснил он Градоначальникову, хрустевшему солёным огурцом, явно закусывая. — Она коллекционирует почтовые открытки.

— Звоните своим боссам.

— Это строго конфиденциально.

— Когда я получу деньги?

— Дайте мне два часа.

— Ско-о-олько? — едва не поперхнулся Градоначальников, поднося ко рту стопку перцовки.

— Два часа, — повторил Минестроне и поднялся из-за стола...

...

— Он придёт! — хлопнул в ладони Пантелеймон.

— Откуда вы знаете? — задала вполне журналистский, как ей показалось, вопрос Наташа.

— Я знаю всё, — загадочно улыбнулся царь. — Буквоед и Зубрила, можете отключать аппаратуру. Кто хочет леденчик?

Глава 21. БРАТЬЯ КАЛЬСОНЫ, ИЛИ ЯВЬ СКВОЗЬ СОН

Кальцоне впустую болтался по парку, не видя толку от прогулочной разведки. Сlopал заиндевшее эскимо, потому что ему было жарко, и присел на скамеечку погреться на солнышке, так как от мороженого ему стало холодно. Кругом ворковали голуби и щебетала ребятня, откуда-то звучала волшебная музыка. Кальцоне задремал, откинув голову на спинку скамейки и раскрыв рот.

Ему опять приснился сон, в котором он был маленьким мальчиком и, хватаясь за перила, пытался взобраться на крыльцо деревенского, до боли родного дома. По двору расхаживали гуси и деловито гоготали, поглядывая на развалившегося на поленище кота, который ловко прикидывался, что ему нет никакого дела до лапчатых. Пахло свежескошенным сеном. Где-то на лугу мычали коровы. Слепило солнце, а в лучах навстречу маленькому Кальцоне топал малыш, как две капли воды похожий на него самого.

«Кто ты?» — как всегда, когда ему снился этот сон, спросил своего двойника Кальцоне.

«Ванюшка, беги скорее к Феденьке», — послышался ласковый женский голос.

«Нет, это не Италия», — в который раз мелькнула в уме догадка...

У скамейки нарисовался вор-карманник Тяни-Толкай. Намётанным взглядом он давно заметил иностранца. Настал момент выудить портмоне, но помешала проходившая мимо буфетчица Зинаида из кафетерия «Кушать подано!»

— Иван Иванович, вам плохо? — незнакомая дородная женщина в белом халате и колпаке дергала спящего за рукав пиджака. Накрахмаленным полотенцем она вытирала жирные руки и им же обмахивала Кальцоне.

— А-а, чьё-о-о? — иностранец спросонья начал отмахиваться от полотенца, которым буфетчица принялась ещё энергичнее вентилировать воздух. — Кто фи такая и чьё фам от меня нато?

— Вот те на, Иван Иванович! — опешила буфетчица. — Да мы ведь с вами, почитай, с самого детства знакомы. Я ещё в Нижних Озерках вашей соседкой была.

— Фи чьёй-то путаете, сеньора. Меня зофут Фетерико Кальцоне, и йа никокта не бываль в ваших Осьерках.

— Боже мой, Федечка! Неужели это ты? — вдруг, словно ополоумев, закричала Зинаида, кинулась к совершенно растерявшемуся Кальцоне, обвила его шею руками и обмякла, потеряв сознание от переизбытка нахлынувших чувств.

— Пройдёмте, гражданин, с нами, — выдвинулся из собравшейся толпы охранник Отряд Беркут, которого в разные стороны тянули рвущиеся с поводков псы Беляш и Гуляш. — Как видите, сопротивление бесполезно.

Посмотрев в глаза Беляшу, Гуляшу и Отряду Беркут, Кальцоне так перепугался, что потерял сознание вслед за буфетчицей, а очнулся в каком-то овальном помещении, в центре которого гудел генератор с металлическими рычагами. Вокруг — фигуры оленей с отбитыми рогами и гривастых коней. По стенам прыгали солнечные зайчики, а сверху раздавались весёлый детский смех и «Песенка мамонтёнка» в исполнении Клары Румяновой. Рядом сидел на стуле мужчина и внимательно смотрел на секундомер.

— Кте йа? — разлепляя пересохшие губы, спросил Кальцоне, лежавший на диванчике с влажным компрессом на лбу.

— У меня на работе под каруселью для дошколят. Давай, братец, знакомиться. Я — смотритель аттракционов Иван Иванович Кальсоны, то есть, Федя, я — твой брат Ваня.

Кальцоне взгляделся в лицо зрителя и понял, что видит своё зеркальное отражение, только на голове у двойника поблескивала лысина как знак отличия.

Глава 22. АППЕТИТ РАСТЁТ ПОД ГРАДУСОМ

Вениамин Градоначальников засиделся в «Дубах-колдунах» и велел братьям Ларцовым срочно вызвать прямо в ресторан главного аттракционного инспектора и какую-нибудь шишку из Ассоциации Качелей, а официанту — принести ему ещё один графин с выпивкой и погромче включить музыку.

— Чтoб не на будущей неделе, а прямо сейчас, слышите? Чтoбы прямо сейчас — прискакали бы и сели на качели-карусели!

— Перцовочки прикажете? — не желая попасть впросак, на всякий случай уточнил Чего Изволите-с и правильно сделал.

— Дур-р-р-рак! — закричал Вениамин. — Твоя перцовка в меня уже не лезет! Принеси водки! А то я её сегодня ещё совсем не пил.

Чего Изволите-с побежал исполнять заказ, а Ларцовы бросились на поиски аттракционщиков.

— Вот эт" я понимаю, — похвалил Градоначальников и зачем-то погрозил правым указательным пальцем кабану на стене. — Оперативность должна быть во всем, главное — не попасться в лапы оперативников.

Вениамину до того по сердцу пришлось собственный каламбур, что он принялся сначала глупо хихикать над ним, а потом хохотать во всё горло. И хохотал до тех пор, пока не начал икать.

— В общей сложности за гастроли циркачей мне перевели пятнадцать, семь, двенадцать и ещё шесть миллионов рублей, — бубнил он себе под нос и столбиком складывал нацарапанные на салфетке цифры. — Для круглого счёта не хватает десяти миллионов, и я в корне не согласен, что сумма выглядит какой-то астрономической. Пусть эти итальяшки ещё скажут «спасибо», что я беру всего лишь пятьдесят миллионов, а не сто.

Морда клыкастого кабана внимательно слушала доводы Градоначальникова, как могло бы показаться любому на его месте, и охотно с ними соглашалась, а возможно, даже одобрительно похрюкивала.

Чего Изволите-с принёс водку, а братья Ларцовы привели работников ассоциации и инспектора.

— Господа, а я вас, между прочим, давно жду, и у меня есть важная новость, — Градоначальников попытался подняться из-за стола. — К нам едет ревизор! Нет, не так. К вам едет ревизорро. Опять не то! Вот что! Вы должны немедленно закрыть Детский парк, и тогда... — Вениамин осёкся и позеленел у всех на глазах. — И тогда, господа... — он придвинул к себе супницу с остатками солянки, наклонился над ней и сказал последнее, что мог в данный момент: — Бе-е-е-е...

Глава 23. РУБИКОН АРТИСТА И ПЛАН ПАНТЕЛЕЙМОНА

Джованни Минестроне шёл на встречу с Пантелеймоном Триодиннадцатым в противоречивых чувствах. С одной стороны, он совершенно не хотел разгневать своих боссов. С другой стороны, царь-государь был совершенно прав: в вечной погоне за прибылью в угоду мафии он напрочь забыл об искусстве и предназначении артиста.

«Годы идут. Мир давно объезжен, — размышлял Минестроне. — Пора бы остановиться и открыть собственный цирк. Не шатёр на мачтах, а здание с раздвижной аренной, под которой в прозрачном бассейне плескалась бы голубая вода, чтобы заодно можно было устраивать водные шоу».

На входе в парк к монсенюру подошёл седой мужчина с бородой, протянул руку и без обиняков представился:

— Пантелеймон.

В тени прохладного кафетерия, куда Пантелеймон проводил гостя, никого не было, кроме них и четвероклассницы Наташи.

— А кто эта юная леди?

— Это журналистка Наталия. Представительница свободной школьной прессы. Из ее статьи устюжане узнают всю правду. Переходя к делу, должен сразу вас предупредить: Градоначальников бесполезен для вас, взятки напрасны, потому что не в его власти закрыть Детский парк.

— Вы в этом уверены?

— Полностью, ибо любые документы любых инстанций имеют в волшебном царстве не больше веса, чем филькины грамоты, — Пантелеймон взял со стола бумажную салфетку, подбросил её, дунул на неё, и салфетка растворилась в воздухе, после чего царь-государь продолжил: — Предлагаю вам вид на жительство в Тридевятом царстве. Если вы примете моё предложение, то можете больше не утруждать себя звонками в Палермо.

Минестроне казалось, что он ещё по телефону понял, к чему клонит его собеседник, но ему хотелось в этом удостовериться и заручиться гарантиями:

— Что вы имеете в виду?

— То, о чём вы подумали. Давайте, Джованни, по существу.

— По какому существу? — удивлённо спросил Миша и выглянул из-под стола.

— Монсенюры, вы должны понимать, что рано или поздно мафиозная афера потерпит фиаско и ваша гастроль продолжится за решёткой, — сказал Пантелеймон, отхлебывая из блюда горячий чай. — Ваш цирк попал в поле зрения правоохранительных органов. Вашей стряпнёй заинтересовались Роспотребнадзор, Госнаркконтроль и Следственный комитет.

Наталия строчила в блокноте, как настоящая стенографистка, а Миша, у которого определённо где-то было шило, крутился на стуле.

— Тебе пока всё понятно, Наташа? — спросил царь и макнул в чай кусок рафинада.

- Всё, — ответил за неё Михаил. — А можно мне тоже чаю?
- И мне, — рассеянно попросил Минестроне. — Что-то в горле пересохло, а мой помощник трубку не берёт.
- За Федерико Кальцоне не беспокойтесь. Он у нас.
- Вы его захватили и удерживаете силой? — напрягся Минестроне.
- Бог с вами, — воздел руки Пантелеймон и спросил: — Хотите леденчик? Ваш помощник находится у нас в гостях и прямо сейчас общается со своим братом-близнецом Иваном Ивановичем Кальсоны.
- Это невозможно!
- Да не то что возможно, а так оно и есть! Федерико Кальцоне, он же Фёдор Иванович Кальсоны, родился в деревне Патрикеевке под Устюжанском, где и жил до трёх лет, пока его не выкрали переодетые цыгане.
- А в кого они переоделись?
- Вы не поверите — в цыган. Точнее, в артистов Московского музыкально-драматического театра «Ромэн». Отец пропавшего мальчика с горя уехал на заработки, а мать в поисках сына тронулась умом, так что второй ребёнок фактически стал сиротой. Это было громкое дело, оставшееся нераскрытым. Но доподлинно известно, что цыганский барон Лойко проиграл похищенного мальчика в карты в московском международном аэропорту какому-то иностранному жулику.
- А с чего вы взяли, что именно жулику?
- Да с того, что Лойко был первостатейным карточным шулером, и такого жулика мог обыграть только другой жулик. Главное, что Федя выжил и даже, по-своему, выжил в люди.
- Пантелеймон, что вы мне предлагаете конкретно? — нервно теребя салфетку, спросил Минестроне.
- Жильё, работу и защиту. Место в Тридевятом царстве найдётся для всей вашей труппы. Вон целое село Циркачёво пустует.
- В чём заключается ваш интерес? — с недоверием поинтересовался Минестроне, по привычке не веривший ни к чему на слово.
- Я видел выступления вашего цирка по телевидению и скажу, что ваше шоу — это вершина циркового искусства. Но в погоне за наживой, к чему вас принудила мафия, вы рискуете потерять свой талант, и будет крайне обидно, если вы, человек с мировым именем, закончите свои дни в тюремной каталажке.
- Да-да-да! — горячо воскликнул Минестроне, вдруг осознав, что он может излить душу перед этим еще полчасика назад совершенно незнакомым, но теперь почти родным человеком. — О, мама миа, если бы вы только знали, как мне осточертело угождение, заискивание и обман! Всеми этими тёмными делишками я сыт по горло! Ненавижу раздавать людям якобы бесплатные билеты! Надоело травить окружающих дрянной едой! — итальянец в сердцах хватил кулаком по столу, так что на столе задребезжало блюдо с козинаками, на стуле от неожиданности подпрыгнул Миша, Пантелеймон пролил из блюдца чай, а Наташа выронила ручку. — Причём многие из моих подопечных в глубине души разделяют мою точку зрения, но я опасаясь открыться даже самому близкому мне в труппе человеку — Федерико Кальцоне. В коллектив внедрены шпионы и стукачи, которые обо всём наушничают донье Лазанье. И вместо того, чтобы скинуть оковы и взбунтоваться, я покорно продолжаю служить злу, — повесил нос Минестроне.
- Не пора ли перестать бояться?
- Пантелеймон, вы очень добрый человек, но неужели вы и в самом деле думаете, что сумеете уберечь нас от всемогущих мафиози? — итальянец тяжело вздохнул и принялся загибать пальцы. — Наркоторговля, игорный бизнес, рэкет, мошенничество, нелегальное движение капитала...
- Чего какое движение? — переспросил Пантелеймон.
- Отмывание грязных денег, — подсказала Наташа.
- Коза Ностра в союзе с корсиканской мафией, неаполитанской Каморрой и калабрийской Ндрангетой, а также с мексиканскими и колумбийскими наркокартелями. Вы надеетесь справиться с этой международной бандой, Пантелеймон?
- У нас в народе говорят: «Против лома нет приёма, если нет другого лома». А царство наше как-никак волшебное, в нем есть богатыри, кучер Фенимор, капитан Эррол Флинт, Отряд Беркут, да и городская служба участковых уполномоченных после оптимизации кадров работает очень даже неплохо. А специально для вас мы активируем программу защиты циркачей, иллюзионистов и клоунов, сокращённо — ЦИК.
- А она не подведёт? — с надеждой спросил монсеньор.
- ЦИК в нашей стране ещё никого не подводил, — веско сказал Пантелеймон, строго посмотрев на Минестроне через пенсне и захрустел очередным козинаком. — Он

действует на все сто процентов, иногда даже больше. Вам выдадут накладные носы, фальшивые бороды, чужие амбулаторные карты в поликлинике и будут кликать вас другими именами. Но, впрочем, все детали позже. А сейчас возвращайтесь в гостиницу и проведите общее собрание цирка. Донесите главную мысль: безопасность гарантируется за чистосердечное раскаяние. Как только все раскаются, так сразу вам будет выделен жилфонд в Циркачёво по программе переселения граждан из ветхого жилья.

— И в какое жильё переселяют из ветхого? — поинтересовался монсеньор.

— Сейчас, пожалуй, не вспомню, но точно не в аварийное. Выправить документы и получить регистрацию в селе вам поможет Бабкина Надежда, специально обученная паспортистка. Кстати, у селян есть льготы, правда, я никак не пойму какие. А если вы пожелаете поселиться в самом Устюжанске, то почему бы и нет, не зря у нас в стране действует АИЖК.

— А это что за абракадабра?

— Не абракадабра, а аббревиатура, — поправил царь-государь. — Расшифровывается как Агентство ипотечного жилищного кредитования. Всем, кто очень хочет квартиру или дом, оно раздаёт деньги направо и налево. Поговаривают, что не под четыре процента, конечно, как на родине Йоулупукки в Финляндии, но тоже, как я слышал по радио, на каких-то фантастических условиях, которых, представляете, нет ни в одной стране мира!

«Если агентство, значит, в нём работают агенты, а раз расшифровывается, то, выходит, у них есть шифр, — подумал про себя Минестроне. — Не-е-ет, что-то здесь не то, да и хорошее дело так не назовут».

— Учите, что вся ваша артель должна выучить русский язык, причём литературный, но не переживайте на этот счёт, — продолжал излагать свой план Пантелеймон.

— У нас есть несколько полиглотов, которые быстро научат вашего брата говорить, читать и писать по-нашенски не хуже Пушкина. Они неплохо зарекомендовали себя при обучении гастарбайтеров из Солнечной Азии, за что даже были удостоены Благодарственных писем регионального Минобраза.

— Какого дикобраза? — не понял Минестроне.

— Да никакого не дикобраза, а Минобраза — Министерства образования Устюжанской области. Ещё вопросы имеются?

— Нет, — чтобы не показаться человеком несведущим, ответил Минестроне.

— Тогда немедленно в гостиницу! — скомандовал Пантелеймон. — Вас туда доставит на карете Джеймс Фенимор, кучер.

«Но почему паспортистка — бабкина надежда? На что может надеяться бабка?» — покидая кафетерий, подумал Минестроне. Вопросов было больше, чем ответов.

Глава 24. ГНЕЗДО КОРРУПЦИИ В «ДУБАХ-КОЛДУНАХ»

Аттракционщики терпеливо ждали в «Дубах-колдунах», когда градоначальник, который ещё держался на стуле, выразится более ясно и трезво.

— Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: итальянцы до сих пор тянут с переводом трёх миллионов рублей за наше равнодушие, то есть радушие и гостеприимство, — весьма членораздельно вдруг заговорил мэр, как будто протрезвел. — Львиная доля этих денег отправится наверх, — он показал пальцем в потолок. — А после того, как я умащу пожарника и начальника Трудовой инспекции, а также уполномоченного по правам ребёнка, оставшуюся сумму мы разделим с вами по-братски.

На самом деле трое перечисленных были честными малыми и взяток не брали, но Градоначальников предпочитал это не афишировать.

— Ну и сколько причитается на брата? — хищно спросил главный Аттракционный инспектор, чей весь внешний вид говорил: я знаю, вы хотите меня надуть.

— По двести пятьдесят тысяч рублей.

— Так дело не пойдёт, — заёрзал на стуле председатель филиала Всенародной Ассоциации Качелей-Каруселей. — Это мало для большого риска!

— А «львиная доля» — это сколько? — поинтересовался Аттракционный инспектор.

— Полтора миллиона, — соврал Вениамин.

— В первый раз слышу за всю практику, чтобы половину называли «львиной долей». И кому же предназначается львиная половина? — с иронией спросил дотошный инспектор.

— Имя этого человека слишком хорошо известно, чтобы произносить его вслух. Пушкину! Кому же ещё?

— Однако вы начали с того, что пока у вас нет этих денег. И когда же они появятся?

— На это циркач Минестроне ответит через час. Но бумаги, запрещающие деятельность Детского парка, должны быть подписаны вами незамедлительно.

— Об этом не может быть и речи, — наперебой пошли в отказ инспектор и председатель. — Не подпишем. Во-первых, не первый день живём. Во-вторых, давно вас знаем.

— Хорошо, — покраснел от злости городской голова. — Вы получите свою долю прямо сейчас из моих личных сбережений. Без ножа режете!

— Не прибедняйтесь, Вениамин Спиридонович, — скривился председатель.

— И никаких чеков! Только наличными! — поддержал главный инспектор.

— Рвачи! — воскликнул Градоначальников. — Но помните мою щедрость: если всё пройдёт удачно, обещаю выхлопотать вам звания Почётных граждан Устюжанска. Это прибавит вам авторитета и всех благ ещё при жизни, а после смерти ваши дома, только представьте себе, украсят мемориальные таблички: мол, «с» и «по» здесь жили замечательные во всех отношениях люди.

— Мы согласны. Добавьте к этому два семейных абонеента на посещение представлений иностранных циркачей и считайте, что дело в шляпе!

Глава 25. ЦИРКОВОЕ СОБРАНИЕ НАКАНУНЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Собрание циркачей состоялось в просторном зале гостиничного буфета.

— Царь Пантелеймон, — объявил Джованни Минестроне, — предлагает нам поселиться в его царстве-государстве и развивать здесь наш цирк. Нас обеспечат жильём, работой, гражданством и защитят от мафии. В этом наше спасение, потому что наше шоу под колпаком Госпотребконтроля и Роснарконадзора, а ещё за нами следит ОМОН.

— А что такое ОМОН? — спросил воздушный гном-гимнаст Капуцин.

— Отряд милиции особого назначения, — ответила повариха Тамара, которая из-за врождённого любопытства выглядывала из кухни в зал буфета.

— А что потребляет контроль? — не утомился гном.

— Да угномонись ты уже! — прицкнул на него клоун Панталоне. — Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков ничего не употребляет, оно — контролирует весь процесс!

— А-а-а, — о чём-то догадался Капуцин и на всякий случай притих.

Мнения разделились. Трупна гудела будто улей.

— Сможет ли этот русский царь действительно защитить нас от старухи Лазаньи? Уж больно у неё длинные руки...

— А вам не надоело, что под ширмой нашего цирка людей подсаживают на «Радостин»?

— Я — остаюсь, — выкрикнул Кальцоне. — Устюжане — мои земляки, у меня здесь есть родной брат-близнец, — он указал на буфетную стойку, куда взобрался, чтоб все его видели, зритель аттракционов Иван Кальсоны.

Увидев, что Кальцоне «раздвоился», толпа весело заулюлюкала, а фокусник Браво Брависсимо потёр ладони и обрадованно сказал стоявшему рядом заклинателю змей, что теперь знает, как проделать не удававшийся ранее трюк с исчезновением и телепортацией человека!

— Наступает Время Магии! — провозгласил фокусник (причём оба слова — «Время Магии» — он так и произнёс: с больших букв). — Я тоже остаюсь! — он подпрыгивал на месте и энергично хлопал в ладоши, из-за чего из рукавов его пиджака посыпались монеты, веером выпорхнула колода карт из одних козырей, вылетел голубь, а вслед за ним выскочил кролик. — Bravo! Брависсимо!!! — ликовал иллюзионист.

Впрочем, подобным образом маг и чародей поступал всякий раз, когда ему что-нибудь нравилось, отчего его так и прозвали — Bravo Брависсимо. Добавим по секрету, что некоторые в труппе полагали, что на самом деле фокусник — отпетый шарлатан, каких поискать, но никто этого пока не доказал. Ловкость рук!

— Все вы вольны принимать решение самостоятельно, но при любом личном выборе, — попросил Минестроне, — пусть каждый с пониманием отнесется к выбору других.

— О чём вы, монсеньор? — спросил клоун Карамболь.

— Я имею в виду тех, кто наушничает, — прямо сказал Минестроне, — и прошу их не спешить с доносом, если они ещё в зале.

Все присутствующие переглянулись между собой.

— Здесь нет дрессировщика Дженнаро, — охнула танцовщица Коломбина. — А я точно помню, что видела его рядом с собой в начале собрания.

— Мне никогда не нравился этот мучитель диких кошек, — проворчал канатоходец Луиджи.

— Хорошо же вы обо мне думаете! — выглянул из-за широкой колонны Дженнаро, примостившийся за ней на маленьком диванчике.

Глава 26. АТТРАКЦИОН «ПРИКУРИТЬ НЕ НАЙДЕТСЯ?»

Из «Дубов-колдунов» Вениамин Градоначальников возвращался в администрацию пешком, чтобы проветрить голову. Для этого он даже снял кепку и нёс её в руке. Следом, чуть поодаль, шуршал колёсами мэрский внедорожник. На задних сиденьях развалились братья Ларцовы и играли в города. Путь пролегал через сквер, и на душе было скверно, то есть настроение соответствовало ландшафту.

— Земляк, прикурить не найдётся? — подвалил нетрезвый мужичок с сигаретой за правым ухом и опешил, приблизившись вплотную: — Ёкарный бабай! Какие люди не на верблюде! Как поживает ваше политическое кредо, господин мэр?

— Не курю.

— Ты меня на арапа-то не бери, заправляя его на своих заседаниях в мэрии-пэрии кому-нибудь другому, — миролюбиво сказал мужичок и достал из кармана спичечный коробок. — Я ведь, между прочим, отдал тебе свой голос! — стукнул себя кулаком с коробком в грудь случайный прохожий, переместил сигарету из-за уха в рот, чиркнул спичкой, затянулся, выпустил дым кольцами прямо в официальное лицо, оступись и в обнимку повис на шее лица. — Ничего, что я к тебе на «вы»?

— Дай мне тоже закурить и проваливай прочь, — устало попросил Вениамин.

— Не нужна нам витамина — голосуй за Веньямина! — гаркнул ему на ухо приста-вучий незнакомец и отлип. — Ну, бывай, мэр! А кричалку дарю, — хлопнул по плечу и побрёл по своим делам.

Глава 27. ЦИРК КАК БУДТО УДВАИВАЕТСЯ

— Собрание прошло успешно: все согласны, — известил Пантелеймона Минестроне по телефону и вздохнул.

— О чём же вы вздыхаете, монсеньор?

— Почему-то меня сильно беспокоит то, что донья Лазанья проявляет повышенный интерес к шхуне из бухты Баракты, вернее — к золоту, что хранится в трюмах шхуны.

— О-о, там золота столько, что в тишине слышно, как трюмы трещат от нагрузки. И могу спорить на сто карасей, ваша недоеденная Лазанья очень удивится, если узнает, как выглядит это золото высочайшей пробы.

— Неужели это чистое, червонное золото 999 пробы? — присвистнул циркач.

— Берите выше!

— Святые угодники!.. И что мы будем делать дальше?

— Я создам видимость, будто Детский парк закрыт, цирковой коллектив под вашим руководством начнёт готовиться к завтрашнему выступлению, а журналистка Наташа напишет статью, — распределил обязанности Пантелеймон.

— Как обстоит дело с возведением циркового городка?

— Оно вот-вот начнётся, правда, не на площади перед парком, а на территории Тридевятого царства под руководством прораба Сам Самыча.

— Что же будет на площади?

— Как что? Ваш цирк!

— Тогда я чего-то не понимаю, — честно признался Минестроне. — Не сможет же наш цирк быть одновременно в двух местах!

— Конечно же, сможет! — заверил Пантелеймон. — Вот здесь нам и помогут 3-D технологии и голограммы. Процесс постройки чудесным образом будет проецироваться на площадь. Чтобы мафиозные лазутчики не догадались, что это — фикция, мы обнесём площадь на время подготовительных работ высокой сеткой рабицей.

Глава 28. ПАРК ЯКОБЫ ЗАКРЫВАЕТСЯ

В Детском парке смолкала музыка, закрывались билетные кассы, замедляли бег аттракционов, таяли очереди у киосков с мороженым и автоматов с газированной водой, таяло само мороженое...

— Парк закрывается, парк закрывается, — объявляла по громкой связи Татьяна Николаевна-Нидвораевна.

— А почему закрывается, тётенька? — заглянул к ней в кассовое окошко какой-то любознательный мальчуган.

— Не почему, а на что, — заговорщицким шёпотом ответила билетёр. — На профилактику! Но тс-с-с, — приложила она указательный палец к губам. — Скажу тебе по

секрету: если много будешь знать, скоро состаришься.

У вольера с хищными птицами стоял Отряд Беркут. Часто охранник тут торчал, о чём-то думал и мечтательно смотрел на небо, где метались чайки. Откуда они появились в Устюжанске, где моря нет, оставалось до конца невыясненным. Лишь отчасти наличие здесь этих горлопанистых птиц объяснялось надписью, растиражированной на коробках со спичками и гласящей: «Скелеткоз — порт пяти морей». Скелеткоз был славным соседним городом, но моря там тоже не было, а чайки — тоже были.

— Тётъ Тань, а как получилось, что Пантелеймон завёл знакомство с пиратским капитаном? — спросила Татьяну Николаевну-Нидвораевну сидевшая с ней в будке Наташа.

— Сама я, конечно, не помню. Рассказывают, будто произошло это ещё в четырнадцатом веке, когда Флинт, переграбивший все корабли в бассейне Карибского моря, поплыл на Русь и присоединился к ушкуйникам — новгородским речным пиратам, бесчинствовавшим по всей Волге-матушке, — билетёр отложила очки, закуталась от вечерней прохлады в кружевной (да и в какой же ещё?) платок и стала напоминать ту самую сказительницу из советских фильмов-сказок (например, «Морозко» или «Варвара-краса, длинная коса») в исполнении актрисы Анастасии Платоновны Зуевой. — Терпение князей лопнуло, когда ушкуйнички под предводительством Флинта до того разграбили Кострому, что город пришлось переносить на его нынешнее место. Вот капитан, испугавшись опалы, и подался в бега, а благодаря тому, что шхуна имела небольшую осадку, дотянул по мелководным речушкам до наших северных краёв, но уж здесь увяз в болотах Тридевятыя по самую грот-мачту — наиболее высокую мачту судна.

— Всё это здорово, — согласилась Наташа, водя пальцем по экрану планшета. — Только у капитана под конец заседания Пантелеймоновой думы повязка оказалась на правом глазу, хотя сперва он поправлял её на левом. И как быть с историей про четырнадцатый век, если... — журналистка кликнула по ссылке. — Цитирую: если первые суда со шхунным такелажом появились только в семнадцатом столетии в Голландии и Англии, а Эдвард «Чёрная Борода» Тич, чьим потомком будто является Эррол Флинт, был убит 22 ноября 1718 года в драке с отрядом моряков под командованием лейтенанта Роберта Мэйнарда?

— Да, с хронологией получается неувязочка, — согласилась Татьяна Николаевна-Нидвораевна, зевнула и опять водрузила на переносицу очки. — Но, ты знаешь, на то это и сказка. К тому же дело было так давно, что кто же теперь что вспомнит с точностью секундомера? Главное, что они свиделись с Пантелеймоном и спелись.

— А зачем?

— Спроси что-нибудь полегче, — предложила тётъ Тань.

Глава 29. ПИШИ ПРОПАЛО: И БУМАГИ, И ЦИРКАЧ

«Парк закрывается, парк закрывается!» — это ласкало слух Вениамина Градоначальникова, стоявшего у окна своего рабочего кабинета. «Значит, инспектор и председатель уже прищучили Пантелеймона, — потирал руки Вениамин. — Но где этот клоун Джованни?» Нажал кнопку селекторного переговорного устройства:

— Анжела Сигизмундовна, зайдите на секундочку.

— Вызывали, Вениамин Спиридонович? — заглянула в дверной проём кукольная голова секретарши. — Кстати, вас там в приёмной люди давно ждут.

— Пусть ждут, я не могу лишиться их этого права! Ты лучше, знаешь что, солнышко, вызови-ка Ларцовых.

— А что сказать людям?

— А людям скажи, что меры для ликвидации очередей принимаются. Запомнила?

— Так вы их примете?

— Конечно нет! Да гони ты этих ходоков взащей! Нытиков этих, жалобщиков, попрошаек, кланчальщиков и вымогателей! Сегодня — неприёмный день. Вот, держи, — Градоначальников порылся в закромах рабочего стола и выудил из его недр нужную табличку. — И эти тоже возьми себе, пригодятся, — начальник веером разложил перед секретаршей вывески с надписями: «Тихо! Идёт совещание», «Просьба отключить мобильные телефоны», «На прямой связи с Кремлём», «Обеденный перерыв», «Учёт», «Закрыто на ревизию», «Ушла на скотобазу», «Приёмка товара», «Выгул собак запрещён», «Выпас скота разрешён» и «Строительство ведёт ДРСУ № 5».

Затем он набрал номер своего водителя:

— Эд, я в машине папку такую, в горошек, с бумагами, случайно не оставил?

— Нет.

— Куда же я мог её подевать?

— Не знаю.
Появились запыхавшиеся братья Ларцовы.
— Чего изволите? — спросил Ларцов-старший.
— Это не ваша реплика, — поморщился Вениамин. — Вы — не официанты, поэтому не фальшивьте и не переигрывайте. Ваша задача — немедленно разыскать и доставить сюда Джованни Минестроне. На звонки итальяшка не отвечает.
— Понятно, босс, — сказал Ларцов-младший. — А где его искать?
— В этом-то и заключается вся соль задания.
Босс жестом предложил помощникам уматывать подобру-поздорову, а после их ухода затравлено огляделся по сторонам. Папки в горошек нигде не было. Она исчезла, испарилась, улетучилась.
— Чёрт-чёрт, поиграй и обратно отдай! — начал пришепётывать, опасливо озираясь, Градоначальников и уснул на диванчике.

Глава 30. СЕКРЕТНЫЙ АГЕНТ ТРИДЕВЯТОГО ЦАРСТВА ТЯНИ-ТОЛКАЙ

Вновь собралась Пантелеймонова дума. Присутствовали те же и специально приглашенные лица: Минестроне, Кальцоне и Тяни-Толкай. Все зачарованно смотрели на монитор и наблюдали, как на площади вырисовывается цирковой городок.

— А как сюда попал вор-карманник Тяни-Толкай? — спросила Наташа. — Я думала, его надо обходить стороной.

— Так и есть, — ответила Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Но на самом деле — он глубоко законспирированный сотрудник уголовного розыска, много лет назад внедрённый в преступные слои населения.

— И много их было?
— Кого?
— Слоёв.
— Да нет, только два. Форточник Константин да фальшивомонетчик Савелий.
— А что они делали?
— Известно что. Костя, пока не растолстел на сахарной вате и попкорне, лазил по форточкам. Савка рассказывал подслеповатым пенсионеркам, что в стране идет денежная реформа, и менял им деньги на купоны со скидками, акцизные марки и вкладыши от жвачки. Пантелеймон потерял терпение и попросил милицию прикрепить к Детскому парку сотрудника угро.

— Им и стал Тяни-Толкай, — догадалась Наташа.
— А чтобы хоть как-то контролировать все несознательные элементы, было принято решение сколотить из них банду. Главарём стал, естественно, Тяни-Толкай. С тех пор он отвечает за криминал в Детском парке.

— Но какой во всём этом смысл? — недоумевала Наташа.
— Каждому уважающему себя парку развлечений положено иметь на территории хотя бы парочку отъявленных мошенников, — объяснила Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — Но плох тот начальник, который не знает, что творится у него под носом, и не контролирует всех, кто вертится под ногами, включая мелких пакостников. Вот в чем смысл секретной миссии Тяни-Толкай, под чьё крыло стянулась вся шантрапа, а сам он зарегистрировался как индивидуальный предприниматель, открыл сеть напёрсточных «Весёлое веретено» и полностью легализовал свой подпольный бизнес по отмыванию денег.

— Но ведь напёрстки — это тоже нехорошо, — заметила Наташа.
— Очень нехорошо, — с готовностью согласилась тётя Таня. — Но если человек хочет, чтобы его обманули, свято верит в беспроигрышные лотереи, чудо-акции и уникальные спецпредложения, доверяет лжесоцработникам и псевдокоммунальщикам, которые бродят по квартирам и сами снимают показания электро- и водосчётчиков, верит вообще во всё, хоть в чёрта лысого, — с этим ничего не поделать. Со своими деньгами такой человек так или иначе расстанется. Не здесь, так там. Но если в других местах его разденут до нитки и обдерут как липку, то у нас это произойдёт без фанатизма.

— Это как?
— В пределах разумного и для профилактики, чтобы впредь неповадно было. А часть проигранных денег возвращается проигравшим в виде билетов на аттракционы. Кроме этих утешительных призов, мы раздаём пригласительные на турниры, где каждый может бесплатно и с азартом сыграть в шахматы, шашки, нарды и крестики-нолики, потому что некоторые люди до того азартны, что всё равно не могут обходиться без игры, как дети.

— А что и куда тянет и толкает Тяни-Толкай? — докапывалась до корня Наташа.
— Он тянет всё, что плохо лежит, и «толкает» скупщикам в ломбарде. Разумеется,

он не заберёт себе забытую ребёнком игрушку и не укатит оставленный у изгороди велосипед, а вернёт их владельцу. Но если на скамейке развалится гражданин с бутылкой яблочного сидра, то его не грех проучить и, исключительно в целях профилактики, стянуть у него часы или очки (если они, конечно, прописаны не для улучшения зрения, а от солнца).

— Ломбард — это куда барды приносят лом? — спросил слушавший разговор Недотёпа.

— Нет, но почти, — ласково ответила Татьяна Николаевна-Нидвораевна. — В одном помещении с ломбардом есть бюро пропаж, куда сдаются на хранение забытые вещи.

— А почему пропаж? — не поняла Наташа. — Ведь эти вещи уже наши.

— То, что их нашли, — это не главное. Главное, чтобы вещи вернулись именно к тому человеку, который их потерял. Впрочем, детка, это уже заумная заумь и философия на постном масле. Но если есть бюро находок, то должно ведь быть и бюро пропаж.

— Тётя Тань, а вы сейчас настоящая или голограмма? — на всякий случай спросила Наташа.

— Конечно, настоящая, — дотронулась та до кончика Наташиного носа. — Моя голограмма сейчас где-то опочивает, и в ней пока нет никакой надобности, ведь в данный момент парк всё равно закрыт для посетителей.

— Дорогие мои, вот тот самый человек, которому Вениамин Градоначальников обязан исчезновением заветной папки в горошек, — представил Пантелеймон Тяни-Толкая, которого, впрочем, все и так прекрасно знали.

— Мы с Тяни-Толкаем, если кто не в курсе, только на людях враждуем, для остротки, — сказал сторож Стой-Кто-Идёт. — А так дружим и вместе участвуем в самодеятельности. Прошу любить и жалованье.

— Чего он просит? — спросила Наташа.

— Да ничего, — добродушно отмахнулся Пантелеймон. — Это присказка у него такая. Помню, он так сказал ещё при устройстве на работу и с тех пор повторяет. Хочешь леденчик?

— Спасибо, — Наташа взяла крокодила на палочке.

— А можно и мне? — спросил Миша, который вообще был очень компанейским пареньком и всё любил делать за компанию.

— Как же вам удалось умыкнуть папку с документами? — восхитился Минестроне.

— Ловкость рук, — скромно ответил Тяни-Толкай. — Мэра подвело желание закурить.

— Цирк готов! — доложили круглые отличники и программисты Буквоед и Зубрила.

— Как идёт продажа билетов? — спросил Минестроне.

— Все билеты на завтрашнюю премьеру и на все представления на несколько месяцев вперёд только что приобрёл через интернет какой-то миллионер, пожелавший остаться неизвестным, — сообщили в один голос Буквоед и Зубрила.

— Я, кажется, догадываюсь, кто этот «бессребреник», — лукаво подмигнул Пантелеймон и похвалил: — Ай да молодцы! Настоящие компьютерные квакеры! Хотите леденчиков?

Глава 31. АТТРАКЦИОН НЕВИДАННОЙ ЩЕДРОСТИ

Градоначальников спал недолго, а проснувшись, схватился за сотовый телефон, чтобы посмотреть, нет ли пропущенных звонков. Их не оказалось, зато обнаружили сообщения. Первое по хронологии поступило от банка и гласило, что на лицевой счёт Градоначальникова переведены десять миллионов рублей. Однако обрадоваться этому получатель не успел, поскольку далее новости были одна хуже другой.

«Ваш лицевой счёт заблокирован, — говорилось во втором сообщении. — Для связи с оператором наберите одиннадцатизначный телефонный номер и будьте готовы назвать свои паспортные данные, пин-код банковской карты и кодовое слово или отправьте сообщение со словом «Да!» на короткий номер ноль-ноль-переноль».

Вениамин набрал указанную комбинацию цифр, но после бесконечной вереницы предложений («если вы желаете получить информацию о дополнительных услугах, нажмите 27») наградой за терпение стал механический голос, который сообщил, что звонок Градоначальникова очень важен для них, и пообещал, что ему ответит первый же освободившийся оператор.

— Это смотря на сколько посадили, — проворчал Вениамин, включил телефон на громкую связь и приготовился ждать.

— Вре-мя ожи-да-ния сос-тав-ляет сем-над-цать минут, — голосом робота Вертера в юбке сообщила запрограммированная механика.

— Иди к чёрту! — потерял терпение чиновник и отправил «Да!» на нуль-ноль-пере-ноль.

Пришло сообщение: «Мы благодарим вас за благотворительный взнос в размере 10 000 000 рублей! — было написано в эсэмэске. — Согласно вашему пожеланию, на все деньги приобретены билеты в цирк и в ближайшее время будут распространены по школам, детским садам, дворцам творчества, спортивным клубам, библиотекам, театрам, детским домам, реабилитационным центрам и поликлиникам, ФАПам и ФОКама».

Внизу вместо подписи стояло: «Спешите делать добрые дела!»

— Не-е-ет! — завопил Вениамин, схватился за сердце, бросился к селектору, нажал нужную кнопку: — Это региональное отделение Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий?

— Да, это МЧС. Генерал-майор внутренней службы Петренко у аппарата.

— А это — Градоначальников! Почему у вас название такое длинное, а аббревиатура такая короткая? Вы же должны быть тогда не МЧС, а МРФ ПДГО, ЧС и ЛПСБ.

— Вы звоните, чтобы выяснить это, или случилось чего, Вениамин Спиридонович? — бесстрастно спросил Петренко.

— МЧС, у нас ЧС! МЧП, у нас ЧП! Слушай, Петренко, это не шутки. Срочно ко мне! Стряслась настоящая беда. Я вас жду. Всех!

Глава 32. ВОЕННЫЙ СОВЕТ У КИСЕЛЬНОЙ БАРЫНИ

Генерал-майор внутренней службы Петренко прибыл на ковёр к Градоначальнику не один, вместе с ним явились начальник областной Госавтоинспекции Виталий Самосвалов и военный комиссар, трижды Герой Региона, одноклассник мэра Виктор Победитов, который, пробившись в коридоры власти, для солидности сменил фамилию, а заодно и имя: был Илья Солдатов, а стал Виктор Победитов. Звучит!

— ...и после этого мошенники буквально вынудили меня отправить эсэмэс со словом «Да!» и таким образом лишили всех кровных сбережений, накопленных за годы служения на благо Отчизне! — завершил свой рассказ Вениамин и зарыдал, а потом запричитал: — Кто знает, за что небеса ниспослали мне такую кару?!

— Кара это небесная, манка ли это небесная — мне всё равно, — без церемоний прервал стенания Виктор Победитов. — Распустил нюни, как кисельная барыня, и уже готов в штаны от жалости к самому себе накласть.

— Вообще-то говорят не «кисельная барыня», а «кисейная барышня», — всё ещё всхлипывая, поправил Вениамин, для которого общение с начальником управления образованием Амфибрахием Анапестовым не прошло даром. — И не «накласть», а «наложить». Именно в данном конкретном случае.

— Отставить разговорчики! — не терпящим возражений тоном отрезал Победитов. — Всю жизнь учили, что не ложить, а класть, что не звонить, а звонить, а тут на-ткась выискался филолог, клал я на всё и ложил! Это ты на своих планёрках со сморчками-замами и прочими прихвостнями буровить будешь, а у меня — цыц, размазня! Развёл у себя под носом плантацию соплей с пузырями, глядишь, вот-вот улетишь на одном из них, как Гудвин на воздушном шаре! Если есть враг, значит, с ним надо бороться и уничтожать вплоть до полной ликвидации! Предлагаю немедленно перейти на осадное положение, ввести в городе комендантский час и продуктовые карточки. Далее следует безотлагательно объявить санкции, наложить эмбарго и выразить ноту протеста, а также подключить к делу сотрудников Управления ЭБиПК и сорвать гастроли итальянских циркачей! Это — для начала, — подчеркнул трижды герой. — Затем...

— Ну, погоди ты, Илюш, то есть подождите, Виктор Михайлович, товарищ главный военный комиссар области, — взмолился Градоначальников. — Какое осадное положение, какой командирский или, тьфу, как его там, комендантский час? С чем едят ваше ЭБиПК и кому, а главное, в связи с чем, вы собрались выражать протест?

— ЭБиПК ни с чем не едят, это — Управление экономической безопасности и противодействия коррупции. А кому объявлять ноту протеста, это, если разобраться, не столь уж важно. Да хотя бы той же Италии! Гораздо важнее не дать слабину и оперативно донести до врага, что мы не вяжем лыко, то есть что мы не лыком шиты и щи хлебаем тоже не лаптём!

— Одним словом, щи — хоть в Москву тащи! — не к месту засмеялся генерал-майор Петренко, но, поймав на себе необходимые взгляды, тут же стёр с лица напускную весёлость.

— Что по этому поводу думает начальник УГИБДД? — спросил Победитов, повора-

чиваясь к полковнику полиции.

— А почему начальник должен думать это у ГИБДД, а не говорить прямо здесь? — шёпотом спросил Градоначальников.

— Решительно не понимаю, кто голосовал за тебя на выборах?! — в сердцах сказал военный комиссар. — В данном случае «у» — не приставка, как в значении «у крыльца», а начало корня в слове из шести больших букв.

— Я предлагаю объявить в городе план «Перехват» с использованием светоотражающих элементов «Пересвет», усилить посты, провести рейды, организовать профилактические мероприятия о недопущении нарушений Правил дорожного движения, покрепче взяться за жезл и штрафовать-штрафовать-штрафовать! — на едином дыхании отрапортовал Виталий Самосвалов.

— В общем, курс предельно чётко и понятен, — одобрил Победитов. — А что скажет товарищ Петренко?

— В Устюжанске необходимо объявить чрезвычайную ситуацию, вызвать вертолет, задействовать беспилотники и проверить готовность ПВР — пунктов временного размещения людей. Уверен, что совместными усилиями нам обязательно удастся справиться с поставленной задачей и взять ситуацию под контроль в самое ближайшее время! — для убедительности кивнул тяжёлым подбородком-наковальной генерал-майор.

Такой эффектный, на его взгляд, жест он использовал всякий раз, когда заканчивал свои выступления на заседаниях и совещаниях этой хрестоматийной, уже ставшей притчей во языцех фразой.

— Эх, хорошо сказал! — от души похвалил Победитов. — Впрочем, как всегда.

— Да вы что все сегодня, с одного дуба, что ли, рухнули? — забегал по кабинету Градоначальников. — Антикоррупционеры они, видите ли, к делу подключат! У самих весь сыр в масле, а туда же! Вот вам, отцы-командиры! — и городской голова сложил из десяти пальцев на двух ладонях четыре дули. — Тебе — фи́га, тебе — шиш, а тебе — два кукиша! Дай вам волю, вы бы ещё войну какой-нибудь стране в Африке объявили и атомную бомбу на неё скинули! — Вениамин остановился и плеснул себе воды из графина. — А ты, Петренко, эх ты! Ведь я тебе первому, как школьному другу, позвонил. Ты же у нас спаситель!

— Не спаситель, а спасатель, — поправил генерал-майор.

— Тем более! Так спасай! А ты вместо того, чтобы протянуть мне руку помощи, кого притащил?

— Кого притащил, кого притащил... — проворчал Петренко. — Никого я к вам не притащил! Вы же сами распорядились срочно вызвать к вам всех.

— Да, распорядился, — согласился Вениамин. — И где все?

— На концерте «Звёзды шансона», где вас, между прочим, тоже ждали, даже начало специально затягивали. Так что до кого дозвонился, того и привёз. Но вам, я вижу, всё равно не угодить!

— Конечно, не угодить! — наконец набрал силу и вошёл в раж Вениамин Градоначальников, которому беседы на повышенных тонах всегда обеспечивали выброс дополнительной порции адреналина. — Сопли я, понимаешь ли, распустил! — вперился он взглядом в Победитова. — Да я все твои войсковые части расформирую, а тебя опустевшие казармы зубной щёткой драить заставлю! Притащил ко мне параноиков, которым чуть ли не чемодан с ядерной кнопкой подавай! Ты кого ко мне, шельма Петренковская, приволок? У одного в голове — перебор с перехватом, у другого — мания величия. Что, лавры генерала Шарля де Голля спать спокойно не дают, голь ты перекатная? А ну пошли отсюда вон! Тоже мне нашлись военачальнички!

Стерпеть такие оскорбления было невозможно, и все трое разом поднялись со своих мест.

— Смотри же, Венюка, четвертая фи́га предназначается не иначе, как тебе самому, — попунцовые от еле сдерживаемой ярости, проскрежетал зубами Виктор Победитов.

— У-у-у! Только попробуй теперь приблизиться к зданию военного комиссариата, я тебя, несмотря на возраст, лично в новобранцы обрею. Тогда узнаешь у меня, почём фунт одноглазого лиха! — и с демонстративно поднятыми головами вся троица, чеканя шаг, как на плацу, покинула кабинет градоначальника.

Глава 33. ВЕНЬКА ГЫ-ГЫ

«Мы благодарим вас за благотворительный взнос...» — вновь прочёл Градоначальников сообщение, и его затрясло мелкой дрожью, а правый глаз задёргался от напавшего тика. Цифры поплыли перед глазами. Подошёл к распахнутому окну и увидел, как в небе у вереницы нолей выросли крылья. После этого они выстроились журавлиным клином и, курлыча, полетели за вожаком прочь из банковской ячейки.

— Вернитесь, — слабо позвал Вениамин. — Вернитесь, курлы-курлы...

Обезумевший городской голова высунулся в окно, увидел стоявшие у входа пожарную машину с люлькой, карету скорой помощи с пилюльками поменьше и забрался на подоконник.

— Сейчас ка-а-ак сиганёт! — ахнула в толпе зевак пожилая женщина и показала пальцем на балансирующего на окне Градоначальникова. — Наверное, опять за воротник заложил, — предположила она, и толпа охотно разделила эту вполне правдоподобную версию.

— Спешите делать добрые дела! — отчаянно, с надрывом прокричал в небо Вениамин, а следом выдал классическую цитату: — Карету мне, карету!

После выкриков фигура в оконном проёме судорожно схватилась за жалюзи, обрвала их вместе со стукнувшим её по голове карнизом и с грохотом рухнула внутрь кабинета.

— Какой талант пропадает! — похвалила пожилая женщина и опять показала пальцем на уже опустевшее окно. — Актёрище!

Как в воду глядела: пропал талант. Вениамин Градоначальников тронулся умом, принялся грызть ногти и писать разноцветными маркерами на стенах своего кабинета чистая с шестью и более нулями. На грохот от падения с подоконника в кабинет прибежала снизу бригада 03 и доставила чиновника в сумасшедший дом на улицу Врачебную. С тех пор городской голова стал бывшим и мог внятно произносить лишь фразу «Чёрт-чёрт, поиграй и обратно отдай» да выкрикивать призыв «Спешите делать добрые дела!», который мог быть обращён к кому угодно: главврачу, дверному косяку или даже кадке с фикусом в вестибюле стационара.

Нового обитателя больницы персонал прозвал Венька Гы-Гы, потому что стоило кому-нибудь показать Вениамину Спиридоновичу хоть копеечную монетку, как он сразу же начинал по-дурацки улыбаться и глупо гыгыкать. Поговаривают, что один предприимчивый медбрат стал фотографировать с экс-мэром всех желающих за деньги.

Глава 34. ТАЙНА ШВЕЙЦАРА

Когда шёл военный совет у кисельной барыни, в тереме Пантелеймона зазвонил телефон. Трубку взял дневной охранник Отряд Беркут. Какое-то время он сосредоточенно слушал, кивал головой, дважды спросил: «Вы уверены?», один раз сказал: «Хорошо», повернулся к Пантелеймону и, прикрыв ладонью трубку, произнёс:

— Звонит швейцар городской администрации. Очень хочет поговорить с вами.

— Выведи его на громкую связь. У меня от вас всё равно нет секретов.

— Никаких секретов? — с удивлением спросил Недотёпа.

— Ну-у, какие-нибудь есть, а никаких — нет, — честно признался царь.

— У аппарата Семён Витушечников, швейцар входных-выходных дверей здания администрации муниципального образования «Город Устюжанск», — назвал звонивший.

— Интересно, а в графе «должность» в вашей трудовой книжке тоже так записано? — спросил Пантелеймон.

— Не знаю, книжка в сейфе у кадровика, — не уловив иронии, на полном серьёзе ответил швейцар. — Но звоню я совсем не из-за этого, — взволнованным голосом продолжил Семён Северьянович. — Вы должны знать, что прямо сейчас у Вениамина Градоначальникова находятся руководители МЧС, ГИБДД и военного комиссариата Устюжанщины. Не знаю, что они там обсуждают, но поскольку делается это на повышенных тонах, то я, когда зашёл внутрь попить чаю, совершенно случайно услышал, как кто-то из них предложил сорвать гастроли итальянских циркачей.

— Ай-я-я-я-яй, да что вы говорите?! — закачал головой Пантелеймон. — А при чём здесь я?

— Так-то оно так, может, и ни при чём. Да только в городе усиленно циркулируют слухи, будто вы нашли общий язык с циркачами и хотите их выручить, а может быть, даже спасти! Поэтому старому швейцару не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сделать вывод: если кто-то навредит итальянцам, это в корне пойдёт вразрез с вашими планами.

— Почему вы нам помогаете? — задал Пантелеймон вопрос, который его подмывало произнести с самого начала.

— Потому, что я хочу сделать что-нибудь хорошее и снова понравиться Татьяне Николаевне, ведь когда-то давным-давно мы любили друг друга, а я больше всего на свете желаю вернуть те времена и молю, чтобы она простила меня за мои прошлые ошибки.

— Так-так-так, — сказал Пантелеймон. — Что-то слишком много желаний. И хоро-

шее сделать, и понравиться, и времена вернуть, да ещё и за ошибки простить! Вы бы определились, голубчик, конкретнее. Здесь вам всё-таки не «Поле чудес»! К тому же если вы толкуете про нашу уважаемую Татьяну Николаевну-Нидвораевну, то дело начинается принимать уж совсем неожиданный оборот. Вы ей, собственно, кем доводиться? Кум, брат, сват или так, седьмая вода на киселе?

— Никакая я вам не вода, а она — вовсе не Нидвораевна. В своё время всё у неё было: и двор, и кол, и дом в деревне, и семья, и чудесные близнецы-сыновья. Только всё это в одночасье рухнуло, когда одного из мальчуганов увёз с собой табор цыган. Я не смог простить, что Татьяна не доглядела за меньшим сыном, в сердцах хлопнул дверью и уехал таксовать к чёрту на кулички, то есть на заработки. А жена отвела второго сына в детский сад, а сама отправилась по белу свету на поиски пропавшего ребёнка, но тронулась от горя умом и запамятовала, откуда она родом.

— А-а, выходит, вы — отец наших Кальсоны и Кальцоне! — догадался Пантелеймон. — А почему же у вас тогда фамилия другая — Витушечников?

— Потому, что Кальсоны — это девичья фамилия Танюши, — объяснил швейцар. — Она так гордилась своей фамилией и тем, что она такая редкая, что, даже выйдя за меня замуж, не пожелала взять другую, то есть мою.

— Допустим. Но почему о своей большой любви вы вспомнили только сейчас, а не в тот момент, когда Татьяна Николаевна-Нидвораевна вновь появилась в нашем городе? Почему не возобновили отношения со старшим сыном, когда вернулись в Устюжанск сами? Как объяснить, что вас зовут Семёном, а отчество у нашего зрителя аттракционов — Иванович? И как он мог сам не узнать ни свою мать, ни своего отца?

— Когда наша семья развалилась, детям было от горшка два вершка, поэтому они ничего и не помнят. Я и сам узнал сына с большим трудом, вернувшись в Устюжанск через сорок лет, а меня никто не признал и подавно. Что касается отчества, то в детдоме, куда определили Ваню, такие давали всем Иванам, родства не помнящим. А теперь я узнал, что наш младший сын нашёлся, и хочу открыться, на что я до сих пор не решался. Вы поможете мне воссоединить семью, Пантелеймон?

— Чего ж не помочь. И Татьяна Николаевна-Нидвораевна у нас на хорошем счету, и Иван Иванович Кальсоны имеет от администрации парка благодарственные письма за добросовестный труд, и итальянец Федерико Кальцоне — мужик вроде без закидонов, да и вы, кажись, на глазах начинаете меняться в лучшую сторону. Поэтому спасибо за информацию о «тайной вечере» и готовьтесь к встрече с семьёй. Люди вы уже взрослые, так что, думаю, общий язык найдёте.

Глава 35. БЕНДЖАМИН, БУДЬ СПОК!

Наташа была очень хорошей, но забывчивой девочкой, поэтому она в течение дня двенадцать раз забыла позвонить своему папе и сказать, что у неё всё в порядке, а один раз, к счастью, всё-таки не забыла. Папа сам звонил ей уже раз сто, но дочка, как всегда, не слышала звонка.

— Да всё нормально, пап. Миша со мной, мы — с Пантелеймоном, так что, Бенджамин, будь спок! — успокоила отца Наташа, которая видела книгу Бенджамина Спока «Ребёнок и уход за ним» в одном из книжных шкафов домашней библиотеки и запомнила понравившееся имя автора. — Сегодня сяду за статью, потому что уже завтра утром она должна выйти.

— Жду вас. Что там с циркачами-то?

— Ты обо всём узнаешь из статьи. Представляешь, царь Пантелеймон обещал напечатать спецвыпуск нашей газеты у себя в типографии сотысячным тиражом!

Забегая вперед, заметим, что так и случилось: дома вечером Наташа написала статью, отправила Пантелеймону и, засыпая, прочитала эсэмэску: «Молодец! Всё правильно написала! Сдаю спецвыпуск в печать! Завтра ты проснёшься известной журналисткой!»

Глава 36. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

— Уважаемые устюжанцы и гости вашего славного города! — разносился по центральной площади голос конферансье Бенвенуто-объявлю-через-минуту. — В рамках грандиозного мирового турне артисты сенсационного циркового шоу сеньора Джованни Минестроне... (при этих словах монсеньор выступил вперёд из первой шеренги артистов и, прижав правую ладонь к сердцу, в пояс поклонился публике)... рады приветствовать вас на премьерном представлении и очень надеются на взаимность! На ближайший месяц мы останемся с гастрольями в ваших гостеприимных краях и каждый вечер будем с волнением ждать вас на цирковые представления. Обещаем, что приложим все усилия, чтобы они пришлись вам по вкусу! А почему? — выдержал театраль-

ную паузу Бенвенуто. — Да потому, что наши замечательные представления длятся так долго, что зрители успевают проголодаться. Поэтому цирк сопровождает целая армия искусных итальянских поваров и кулинаров, которым нет равных в приготовлении блюд нашей национальной кухни! Они круглосуточно будут ожидать вас с нетерпением в бистро, пиццериях, кафе и ресторанах и ни за что не дадут вам похудеть хотя бы на грамм! А если у вас, о, святая примадонна, возникнут проблемы с билетиком, то обращайтесь прямо ко мне! Я всегда готов протянуть руку помощи, — и конферансье выбросил в сторону толпы правую руку. — Ведь меня зовут Бенвенуто, что в переводе означает приветствующий!

Публика одобрительно загудела в ответ. Раздались аплодисменты. К Бенвенуто-объявлю-через-минуту потянулись сотни рук. И вдруг всю какофонию звуков перекрыл задиристый мальчишеский голос, выкрикивая на манер уличных газетчиков: «Сенсация, сенсация! Итальянские циркачи — не те, за кого себя выдают! Представления у них настоящие, но еда опасна для здоровья! Владелец шоу Джованни Минестроне признаётся во всём! И впредь гарантирует: только честный цирк и никакого обмана!»

Стоявший у микрофона в радиорубке Детского парка Михаил, который благодаря своей бабушке — папиной маме — уже умел читать, перевёл дух и продолжил: «Чем заезжие гастролёры собирались пичкать доверчивых устюжанцев и какова в этом роль итальянской мафии? Ответы на эти и другие вопросы — в сенсационном журналистском расследовании школьницы Наталии, которая досконально изучила всю изнанку колоссальной аферы и раскрыла преступный сговор!»

Над площадью проплыла «Аннушка», как в народе ласково называли самолёт Ан-2. С неба посыпались тысячи экземпляров отпечатанного ночью спецвыпуска. Снедаемые любопытством, люди хватали газету на лету.

Глава 37. СМЕХ В РАССРОЧКУ

Весь Устюжанск читал статью под названием «Смех в рассрочку»:

«Сегодня в Устюжанске начинаются гастролы «Сенсационного циркового шоу сеньора Джованни Минестроне». Казалось бы, зрителям предстоит смеяться да радоваться. Но нет! Как стало известно нашему изданию из первоисточников, все предыдущие выступления циркачей сопровождали не только бурные овации, но и длинный шлейф скандалов, тянущийся, как мохнатые щупальца спрута (уточним, что это сравнение встала в текст не Наташа), к итальянской мафии Коза Ностре!

Цирковой коллектив — призёр многих профессиональных конкурсов, в его «копилке» — масса премий и наград. Дуэт без конца рыдающих клоунов Чиполлетто и Чиполлотто дважды брал «Золотую луковицу» и неоднократно удаивался на международных фестивалях дипломов за первые места, причём эти дипломы им лично вручали Юрий Никулин и «Солнечный клоун» Олег Попов (правда, делали они это порознь и в разных странах). А чего стоят номера иллюзионистов Чиполлоччи и Чиполлуччи, которые до того виртуозно умеют выкручивать из разноцветных воздушных шаров фигуры разных животных, что недаром были признаны лучшими в финальном этапе мирового шоу «Профессия — надувательство».

Однако, невзирая на все былые заслуги, циркачи не выдержали давления Коза Ностры и стали подневольными пособниками криминалитета Сицилии. Шоумены позволили, чтобы во время гастролей цирк сопровождали повара, которые по приказу главы пяти мафиозных семей — донов Брокколи, Томато, Фетучини, Капучино и их предводительницы доньи Лазаньи — заправляли всю еду пищевой добавкой «Радостин». И всё бы ничего, если бы речь шла о каких-нибудь отрубях и злаках...

Но нет! Под видом радушного благодушия и благодушного радушия эти лицемерные хлебосолы потчевали людей блюдами с приправой, которая, словно наркотик, вызывала у них жуткую зависимость. В результате завсегда таи кафе и забегаловок, подсевшие на «Радостин», отдавали все наличные деньги и сбережения, пускали с молотка всё своё имущество, машины, гаражи, квартиры, дачи, дома, ценные бумаги, земельные участки и моторные лодки вместе с лодочными сараями. Дело дошло до того, что в Орёлбурге мать семнадцатерых детей обманным путём обналичила материнский капитал и потратила все деньги на партию детского питания «Ешь-пей и ни о чём не жале!»

В Ростове-на-Дону миллиардер Арсений Свистоплясов профукал своё состояние в обмен на пожизненное право пользования всем ассортиментом заморских яств, а буквально через неделю после заключения сомнительного контракта магнат подавился косточкой оливки в ресторане «Фортуно» (что означает «удачливый») и скоропостижно скончался, успев произнести лишь одно слово: «Добавки».

В Сыктывкаре абсолютно все члены ветеранских организаций города оформили в банках потребительские кредиты в рассрочку на такие баснословные суммы и на та-

кой срок, что это наводило на размышления: то ли они рассчитывали дотянуть до библейского возраста, то ли вынашивали хитроумные планы завещать обязательства по займам своим внукам и их праправнукам, а ввязались в это ветераны лишь для того, чтобы денно и нощно столоваться в итальянских кафе по системе «Шведский стол — шведский стул» с неограниченным количеством подходов и туда, и сюда.

Волна кулинарной агрессии докатилась до Устюжанска, и в зоне «подтопления» оказались все горожане, рискуя пополнить собой ряды жертв «Радостина». Но слава богу, это уже никому не грозит, потому что итальянские циркачи решили исправиться и наконец-то вырваться из-под гнёта коварной Коза Ностры!

На премьерном представлении, которое одновременно станет закрытием гастрольного сезона, вас ожидает Великое Исчезновение «Сенсационного циркового шоу сеньора Джованни Минестроне»: артисты на ваших глазах телепортируются в пространстве в загадочную неизвестность!

Смело приходите все, кого распирает от любопытства, кому не лень и кому нечего делать! Вход совершенно бесплатный!»

Внизу было зачем-то приписано: «Пенсионерам — скидки!» И только потом указывался автор текста: «Журналистка Наташа из 4 «А».

«Неужели всё это написала я?» — подумала Наташа, держа в руках газету, и сказала оказавшемуся рядом Недотёпе:

— Слыхала я от папы про чудеса редакторской правки, но не подозревала, что она бывает настолько филигранна!

— Да, всегда очень важно не перейти известную филигрань, — на всякий случай согласился с умной журналисткой Недотёпа, который, честно говоря, совсем не понял, о чём это она.

Глава 38. ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

— Сейчас перед вами выступит прославленный маг Браво Брависсимо, который долгие годы разрабатывал номер с исчезновением и телепортацией! — произнёс в наступившей после продолжительной барабанной дроби тишине Бенвенуто-объявляющий-через-минуту.

На сцену, пританцовывая, выскочил фокусник, облачённый от шеи до ног в чёрный плащ со звёздами. Ежесекундно кланяясь и расшаркиваясь, он подбежал к краю помосты и расставил в стороны руки, словно хотел обнять всех зрителей сразу.

— Действительно, я долго не мог додуматься, как проделать трюк с исчезновением, — признался Браво Брависсимо чисто по-итальянски, потому что говорил через переводчика. — И вот здесь, в Устюжанске, меня осенило свыше! Восхищайтесь и трепещите: прямо сейчас вы станете свидетелями самой древней магии во всей Вселенной!

— Так уж и во всей?! — громко не поверил швейцар Семён Витушечников, пришедший на представление, чтобы хоть издали увидеть свою жену и сыновей. — А зайца из шапки достать сможешь?

— И зайца смогу! — заверил Браво Брависсимо и продолжил: — Для разгадки этого фокуса, не имеющего аналогов в мире, потребуются века. Кто знает, куда сейчас попадут наши друзья: в параллельное измерение, на другую планету или в гости к динозаврам. Я прошу артистов цирка, всех до единого, проследовать в шатёр, чтобы совершить незабываемое путешествие во времени и пространстве!

Циркачи потянулись вереницей к входу в шатито и один за другим стали исчезать за кулисами. Шествие замкнул фокусник Браво Брависсимо. Он высунул лицо из-за кулис и заговорщицким шёпотом произнёс:

— Время чудес начинается!

Раздалась барабанная дробь, и купол шатито стал то ли медленно оседать, то ли, как показалось стоявшим поодаль зрителям, таять и растворяться в воздухе. Когда полотно, соскользнув с конструкции из мачт, сравнялось с землей, устюжанцы увидели, что артистов под ним нет, и ахнули (а некоторые и охнули) от восторга и неожиданности, хотя Браво Брависсимо предупреждал публику о задуманном исчезновении.

— Это ли не чудо? — разнёсся над площадью через динамики голос Пантелеймона.

— Чудо! — согласилась в один голос вся толпа.

— Где ещё вы видели столь фантастическое исчезновение а-ля переход в иные миры?

— Нигде! — хором ответили зрители.

— А теперь расходимся по домам, но не спешим сдавать приобретённые билеты. Шестое чувство подсказывает мне, что итальянские циркачи к нам ещё вернуться.

Глава 39. ЖИЗНЬ НАЛАЖИВАЕТСЯ

Конечно же, вы догадались, что Браво Брависсимо не мог телепортировать циркачей и не имел к их исчезновению ни малейшего отношения. А ларчик просто открывался. Раньше на площади (ещё до революции) бил фонтан, состоявший из нескольких каскадов. Со временем он пришел в негодность, но вместо того, чтобы починить конструкцию, власти в семидесятых годах прошлого века приняли волевое решение упразднить ее и не оставили от фонтана камня на камне.

— А «упразднить» от слова «праздник»? — спросил Недотёпа, когда его посвятили во все тонкости исчезновения артистов циркового шоу.

— Нет, — пояснил мудрый филин Ацидо. — «Упразднить» — это от слова «сломать».

Чашу бассейна разобрали, а подземный ход в насосную станцию, расположенную под фонтаном, остался. Он вёл сюда с территории Тридевятого царства, а с площади внутри скрытых от посторонних глаз казематов можно было попасть через чугунную крышку люка. Она была замурована слоем асфальта, поэтому немудрено, что со временем про этот тайный лаз в народе позабыли. Но штатный экскурсовод Детского парка Иван Иванович из династии Сусаниных помнил о подземелье и предложил, чтобы циркачи испарались с площади на глазах у изумлённой публики именно через этот потайной тоннель.

— Поздравляю! — встречал артистов на выходе Пантелеймон. — Ваше первое выступление прошло на ура! А теперь расслаживайтесь по автобусам и отправляйтесь, пока всё не уляжется, в Циркачёво.

Ни в тот день, ни неделей позже исчезнувшие циркачи нигде не засветились. Донья Лазанья обрывала телефон, но так и не дозвонилась до Вениамина Градоначальникова. Коза Ностра предприняла розыски сгинувших циркачей, но безрезультатно. А итальянцы тем временем обжились в Циркачёво.

Когда шумиха улеглась, Джованни с Пантелеймоном приняли решение возобновить цирковые выступления под охраной всех силовых структур Устюжанска. Во избежание ненужных пересудов монсеньор согласился сменить название коллектива, и теперь его цирк назывался «Va bene!», что в переводе на русский означало «Хорошо!»

Жизнь налаживалась. Да так, что Семён Северьянович Витушечников уволился из швейцаров и решил всё оставшееся у него время посвятить семье, которая взяла двойную фамилию Витушечниковы-Кальсоны и перебралась в Циркачёво. Это случилось уже после того, как Семён набрался смелости и нашёл общий язык с бывшей женой Татьяной Николаевной и с обоими сыновьями.

— Да мы ведь с тобой, батя, и не ссорились, потому что не виделись, — смутился растроганный аттракционный зритель Иван Кальсоны.

Глава 40. МОЛЧАНИЕ — ЗОЛОТО

— Мне не дает покоя тайна шхуны из бухты Барахта, — сказал как-то Джованни Пантелеймону. — Государь, неплохо было бы наконец взглянуть на золото и на все несметные сокровища в трюме шхуны.

— Ну, сметы никто не вёл, но там их столько, что все и не перечитать, — сказал Пантелеймон.

— Погодите, а зачем сокровища читать, если их нужно считать?

— Ей-богу, не знаю, — ответил Пантелеймон. — Меня самого мучает вопрос, почему, Джованни, вы до сих пор не записались в общественную библиотеку Тридевятого царства, которой уже много веков кряду заведует капитан Флинт. С ним мы познакомимся на почве любви к книгам, и я предложил ему открыть на корабле первую русскую библиотеку сокровищ мировой литературы.

— При чём здесь тогда золото? — удивился Минестроне.

Пантелеймон промолчал, потому что молчание и было тем самым золотом. А в библиотеке (если вы там — о, ужас! — ещё не были) не принято шуметь, даже если она располагается на всамделишном корабле.